

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ШВЕЦИЯ
В XVII—XVIII ВВ.

Труды Санкт-Петербургского института истории РАН

Сборник статей

Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского

«Нестор-История»

2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Сборник статей

Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского / Сборник статей — «Нестор-История», 2018 — (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН)

ISBN 978-5-4469-1479-1

Выпуск 4 (20) «Трудов» приурочен к 100-летию со дня рождения выдающегося историка русского средневековья Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995). Статьи учеников и коллег Игоря Павловича тематически продолжают те направления исследований, в которые И.П. Шаскольский внес значительный вклад. Издание рассчитано на специалистов-историков и всех интересующихся прошлым нашего Отечества.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4469-1479-1

© Сборник статей, 2018
© Нестор-История, 2018

Содержание

Предисловие	5
И. П. Шаскольский и «норманская проблема»	9
Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников)	37
Один год из истории кораблестроительной верфи в Новой Ладогге:	57
Расходная книга государевой денежной казны 1711–1712 гг	
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского

Предисловие

Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995) – один из тех отечественных историков, кто изучал историю России, скандинавских стран и Финляндии, прибалтийских народов и Карелии в контексте их научного анализа, в органичной связи с общественно-политической жизнью своей страны в XX в. Особый интерес И. П. Шаскольского к исследованию истории СевероЗапада и Севера России, стран и народов Северной Европы и Прибалтики в значительной мере был предопределен его происхождением коренного петербуржца. Сама судьба этого города была обозначена Петром Великим. Петербург – столица модернизированной Российской империи, центр формирования новой русской культуры, органично интегрировавшей технические и научные достижения западноевропейских держав, опорный центр России в обширном Балтийском регионе. Вероятно, эти традиции, сохраненные в течение двух последующих столетий, стали причиной того, что И. П. Шаскольский уже в юности решил изучать историю русско-скандинавских отношений.

В Петербурге-Петрограде-Ленинграде 1880-х – 1930-х годов многие проблемы исторического прошлого этого региона начиная с так называемой «эпохи викингов» исследовались историком Г. В. Форстеном, филологами Ф. А. Брауном и В. А. Бримом, историком и филологом Е. А. Рызевской, а также другими исследователями. Их опыт был освоен И. П. Шаскольским еще в годы обучения на историческом факультете Ленинградского университета (1936–1941). Факультет давал тогда студентам великолепную профессиональную подготовку. Время социологизированных и политизированных схем к тому времени отчасти миновало. Лекционные курсы и семинарские занятия по российской и всеобщей истории выдающихся отечественных ученых Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, В. В. Струве, Б. А. Романова, В. В. Мавродина, С. Б. Окуня, О. Л. Вайнштейна, М. А. Гуковского, О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской, других профессоров и преподавателей вопреки историческим схемам сталинизма создавали на факультете среду высокого профессионализма и активной интеллектуальной деятельности. Для студентов, которые специализировались по российской истории, особое значение имели также лекции и практические занятия С. Н. Валка и М. Д. Приселкова, которые продолжали традиции великих ученых А. С. Лаппо-Данилевского и А. А. Шахматова. Они передавали студентам накопленный коллективный и собственный опыт по историографии и источниковедению, прежде всего по изучению актовых материалов и летописания. М. Д. Приселков стал научным руководителем Шаскольского.

Лекционные курсы и семинарские занятия на истфаке воспитывали в студентах понимание единства исторического процесса, места и значения в нем России, соотношения в этом процессе экономического, социального, политического факторов, материальной и духовной культуры.

Одновременная подготовка И. П. Шаскольского не только по историческому, но также по археологическому отделению способствовала его пониманию конкретного содержания вещ-

ной среды, быта раннесредневекового русского общества, истории архитектуры и искусства того времени. Вероятно, существенное значение имело для него участие в ладожской археологической экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса и в киевской экспедиции 1940 г. под руководством замечательного знатока древнерусской архитектуры и искусства М. К. Каргера. Основной задачей киевской экспедиции являлось изучение сохранившегося фундамента церкви святой Богородицы Десятинной – первого русского кафедрального каменного храма, построенного византийскими мастерами. Такой археологический опыт воспитывал широту и глубину понимания древнерусской истории в ее исторически обусловленном единстве и сложности содержания. Двадцать семь лет спустя И. П. Шаскольский опубликует в сборнике статей в честь профессора М. К. Каргера «Культура и искусство древней Руси» (Л., 1967) статью «Памятники русской архитектуры XIV–XVI вв. в городе Корела», а также в коллективном труде «Краткий очерк истории русской культуры: С древнейших времен до 1917 года» (Л., 1967) раздел, посвященный русской культуре IX – начала XIII в. (в соавторстве с Ю. А. Лимоновым).

Высокий уровень профессиональной подготовки в университетские годы и сформировавшиеся научные интересы подготовили И. П. Шаскольского к предстоящему изучению самых разных проблем отечественной истории. Но на содержание этих проблем значительно повлияли политические события и конкретные биографические обстоятельства.

На годы университетского обучения И. П. Шаскольского пришлась политическая и военная активизация нацистской Германии. Западные державы отказались от предложений СССР скоординированно ей противодействовать. Их Мюнхенское соглашение с Гитлером в 1938 г. способствовало в частности германской оккупации Судетской области в том же году, а в 1939 г. – всей Чехословакии. Этим воспользовалась Польша, которая в 1938 г. ввела свои войска в чешскую часть Тешинской Силезии. Значительно активизировалось нацистское влияние на правящие слои Латвии и Эстонии. В марте 1939 г. Германия отторгла от Литвы Мемель (Клайпеду) и Мемельскую область. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. 30 ноября 1939 – 12 марта 1940 г. произошла так называемая «зимняя война» между СССР и Финляндией. В результате восстановления советской власти в Литве, Латвии и Эстонии эти республики в начале августа 1940 г. вошли в состав СССР.

Вследствие таких событий в СССР появился общественный и политический запрос на научное изучение их предыстории начиная со средних веков. Ответом на такой запрос стал цикл научных и научно-популярных статей И. П. Шаскольского, посвященных борьбе русского и финского народов против средневековой шведской агрессивной политики, изучению отношений русских с финнами и эстами в древности. Данные статьи были написаны еще в студенческие годы. Но это исследовательское направление, дополненное И. П. Шаскольским в годы его аспирантуры (1945–1947) и в последующее время анализом широко понимаемых русско-прибалтийских отношений, стало одним из основных в его научных размышлениях. Оно было обобщено в монографиях «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.» (Л., 1978), «Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке» (Л., 1987), «Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII – начало XIV в.» (Петрозаводск, 1987)¹.

Уже в первых статьях И. П. Шаскольский анализировал не только отношения в раннем средневековье русского народа и государства с западными финно-угорскими племенами, карелами, эстами, емью и другими. Он уделял внимание также внутренней истории этих племен, что соответствовало методологическим установкам советского времени в исследовании истории России с древних времен как страны многих этносов, а их культур – как самоценных,

---

¹ Здесь и далее см. библиографию трудов И. П. Шаскольского в данном сборнике, с. 337–455; см. там же все библиографические сведения об этих публикациях.

объединенных взаимодействием с русской культурой. Такое исследовательское направление нашло в многочисленных работах И. П. Шаскольского хронологическое, социально-политическое и этнокультурное продолжение до XVIII в. Их написание стало важным фактом его научной биографии.

Великолепная научная подготовка позволила И. П. Шаскольскому начать работу в академических исследовательских учреждениях. В 1949–1953 гг. он являлся старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР в Петрозаводске. Результаты его исследований, предварительно опубликованных в виде статей, обобщены в монографии «Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.» (Петрозаводск, 1950), а также в главах двух фундаментальных коллективных трудов «История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века» (Петрозаводск, 1952) и «Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в.» (М., 1955). Первый из них был издан в виде макета и хранится в библиотеках в небольшом количестве экземпляров, но он имеет большое научное и историографическое значение. Впрочем, изучением этнической, социальной и экономической истории Карелии И. П. Шаскольский продолжал заниматься до конца своей творческой деятельности.

В работах ранее названных исследовательских направлений И. П. Шаскольский многократно обращался к вопросам исторической этнической географии, географии городов и сельских поселений. Изучение таких тем он совмещал с написанием работ в научной и научно-популярной форме, посвященных истории городов, историческому краеведению (Таллин, Приозерск, Тихвин, Выборг, Псков, Кола). По-видимому, эти разыскания способствовали тому, что однокурсник и товарищ И. П. Шаскольского М. И. Белов, исследователь истории Русского Севера и Сибири, руководитель Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, привлек его к участию в работе Отделения. В 1981 г. И. П. Шаскольский стал его преемником в этой должности. Так что с 1950-х годов все эти научные проблемы исторической географии, в частности экономической, социальной и политической истории городов, также остались постоянным содержанием его исследований.

В связи с зачислением в 1956 г. в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР И. П. Шаскольский стал участвовать в подготовке к изданию фундаментальных сборников документов «Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX века, 1861–1904» (М.; Л., 1960), «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке» (М.; Л., 1960). Особой темой стало историографическое изучение так называемой «норманской проблемы». Эти исследования исторических источников и историографии, а также написанные на данные темы циклы статей были обобщены в монографиях «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством» (М.; Л., 1964), «Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке» (СПб., 1998), «Норманская теория в современной буржуазной науке» (М.; Л., 1965). Впрочем, во многих статьях он анализировал также экономические отношения средневековой России с Данией, Норвегией и Финляндией. Так называемая «норманская проблема» стала для него лишь одной из тем изучения сложного процесса образования Древнерусского государства и его истории в IX – первой трети XIII в.

Постоянное внимание И. П. Шаскольский уделял анализу всех видов исторических источников, включая такой новый их вид, как берестяные грамоты, по интересовавшим его научным проблемам.

Чтение с 1951 г. на высоком профессиональном уровне лекционного курса «История скандинавских стран» на филологическом факультете Ленинградского университета, а также постоянное изучение истории Скандинавии и русско-скандинавских отношений способствовали формированию И. П. Шаскольского как скандинависта. Он публиковал статьи и выступал с докладами на научных конференциях по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии в связи с проблемами их исследования. Поэтому И. П. Шасколь-

ский был приглашен в состав авторских коллективов по написанию «Истории Швеции» (М., 1974) и «Истории Норвегии» (М., 1980), изданных Институтом всеобщей истории АН СССР.

Универсальная научная подготовка позволила И. П. Шаскольскому принять участие в сборе материалов и написании разделов, посвященных аграрной истории Ижорской земли, в фундаментальном коллективном труде «Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)» (Л., 1989). Три раздела этой монографии написаны И. П. Шаскольским в соавторстве с Ю. Н. Беспятыми.

И. П. Шаскольский был неизменно доброжелателен к коллегам, открыт для сотрудничества с ними. Поэтому у него так много работ, написанных в соавторстве, а также публикаций исторических источников и коллективных работ, совместно подготовленных к печати. Он являлся научным руководителем аспирантов, которые стали известными специалистами – Ю. Н. Беспятым, В. Е. Возгриной, Г. М. Коваленко, П. А. Кротова, Т. Н. Шрадер и других.

В 4-м (20) выпуске «Трудов Санкт-Петербургского института истории РАН», посвященном И. П. Шаскольскому, опубликованы статьи его сотрудников. Содержание этих статей продолжает те направления исследований, в которые значительный вклад внес И. П. Шаскольский – историография «норманской проблемы», Россия в годы Северной войны, русско-шведские отношения и Финляндия, анализ исторических источников и их публикация.

М. Б. Свердлов

И. П. Шаскольский и «норманская проблема»

М. Б. Свердлов

«Норманская проблема», т. е. определение значения скандинавов в формировании Русского государства IX–X вв. – сложная в своем содержании тема. И. П. Шаскольский использовал научные исторические категории *Древнерусское* и *Русское государство* альтернативно. «Норманская проблема» дискутируется, и иногда весьма ожесточенно, более 250 лет. Значительное место в этом исследовательском процессе и его историографическом изучении занимают труды И. П. Шаскольского. Анализ их научного содержания также подразумевает историографическое изучение этой темы. На нее, как и на историческую науку в целом, постоянно воздействовали субъективные и объективные факторы – личность историка и его судьба, социально-политические и философские концепции, экономическое состояние страны того времени.

Возникновение «норманской проблемы» традиционно относят к дискуссии, которая имела место в Петербургской Академии наук при обсуждении в 1749–1750 гг. диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Между тем ее определяющие начала были сформулированы на 200 лет ранее австрийским бароном Сигизмундом Герберштейном. Первое издание его труда «Записки о Московитском государстве», где они изложены, опубликовано в 1549 г.²

С. Герберштейн (1486–1566) родился в Крайне, вырос в многоэтничной среде Крайны и Истрии, где находились владения его отца. Матерью барона была словенка. Так что кроме немецкого он хорошо владел славянским языком. Герберштейн учился в Венском университете, но вследствие материального положения семьи перешел в 1506 г. на военную и дипломатическую службу императорам Священной Римской империи. С 1515 г. он стал членом Придворного императорского совета. Исполнял Герберштейн также дипломатические поручения в Турции и разных странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в 1517 и 1526 гг. – в России, которая стала союзницей империи.

С. Герберштейн собирал материалы для своего труда (в русской традиции закрепилось название «Записки о Московии»)³, изучая труды предшественников, картографические материалы, используя собственный опыт и сведения от собеседников, в частности – русских людей, а также литовских и польских информаторов. Находясь в русских землях, он проверял и уточнял сведения своих предшественников, подтверждая их или дискутируя с ними. В России он ознакомился с содержанием русских летописей, жалованных грамот, Судебника 1497 г. и других произведений русской письменности. Так что в последующие издания «Записок о Московии» Герберштейн вносил определенные исправления и дополнения.

В этой книге древнейшее историческое прошлое *Руссии* (Russia) С. Герберштейн изложил в соответствии с летописями, начальная часть которых была близка к Повести временных лет (далее – ПВЛ). Он написал, что не смог узнать что-либо определенное ни о хазарах, «кто они и откуда», ни о варягах. Но о варягах Герберштейн предпринял собственные разыскания.

Он знал из летописей, что на Руси Балтийское море называлось Варяжским. Оно отделяло Пруссию, Ливонию и русские владения от Швеции. На основании этих сведений, как написал С. Герберштейн в третьем латиноязычном издании 1556 г., он «думал, что вследствие

---

² Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienne, 1549; см. об этом труде прежде всего: 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999: Jubiläumsvorträge / Hrsg. von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002.

³ Последнее русское издание: Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 2008. Т. 1–2; см. там же литературу.

близости (расстояний по морю? – М. С.) князьями их (principes illogum) были шведы, датчане или пруссы». В немецком авторизованном переводе по венскому изданию 1557 г. вместо выделенных курсивом слов написано иначе: «Я долгое время думал (Hab ich lang gedacht), что варягами были шведы, пруссы или датчане».

Далее С. Герберштейн отметил пограничное положение с Любеком и герцогством Гольштейн некогда знаменитейшего города и области «вандалов» «Вагрии». В немецкоязычном издании 1557 г. он написал уже в соответствии с более поздними реалиями, что они населены славянами (“durch die Wenden bewont”). Племенное название этих славян – вагров – он соотносил с «Варяжским морем», т. е. с русским названием Балтики. Отсюда, по Герберштейну, следовал вывод, что варягами являлись славяне-вагры. Чтобы объяснить их особое значение для древнейшей истории *русских* (лат. Rhuteni, нем. Reissen), он написал, что вандалы/венеды были тогда могущественными, с теми же языком, нравами и религией, что и *русские*. Отсюда он заключил: «<...> мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (rotius), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку»⁴.

С. Герберштейн был человеком эпохи Возрождения. Ему было свойственно активное творческое начало. Он не мог не использовать возможность самостоятельно исследовать один из сложнейших вопросов древнерусской истории – проблему определения этнической принадлежности варягов. Исходя из хорошо известных ему географических реалий прибалтийских стран, включая северо-западную часть русских земель, а также сведений исторических источников, он «долгое время» считал, что варягами являлись шведы, датчане, к которым он присоединил пруссов. Но позднее он это свое мнение пересмотрел на основании созвучия племенного названия вагров и Варяжского моря; вагры и русские – славяне, у них близкие в древности язык, нравы и языческая религия. Поэтому варяги – это вагры.

Таким образом, уже эрудит эпохи позднего Возрождения на уровне частичной исторической информации, созвучий этнонимов и географических названий наметил два пути изучения «норманской» проблемы: варяги – это скандинавы и другие прибалтийские народы эпохи викингов или только прибалтийские славяне.

Научное исследование «норманской проблемы» было начато в Санкт-Петербургской академии наук, которая продолжала руководствоваться петровскими принципами участия в едином европейском пространстве России, сохранявшей свои этнокультурные особенности⁵.

Теофил Зигфрид Байер (1694–1738) получил хорошую для своего времени историческую и филологическую подготовку в германских университетах. В 1726 г. он прибыл из Кенигсберга в Петербург, где стал первым в России профессиональным историком. В своих опубликованных в «Комментариях императорской Петербургской академии наук» исследованиях он подверг критике существовавшие тогда мнения о принадлежности Рюрика к пруссам, а пруссов – к славянам, о родстве прусского князя с римским цезарем Августом, в связи с чем в работах других авторов отождествлялись по созвучию русы и пруссы. Не согласился он также с отождествлением по созвучию варягов и прибалтийского славянского племени вагров.

Вместо эвристического объяснения происхождения варягов от конкретного племени Т. З. Байер начал изучать эту проблему в соответствии с основами исторической науки Нового времени. На основании сведений о варягах в русских летописях и древних исторических источниках он проанализировал их имена, включая княжеские, впрочем, не без ошибок, свойственной науке XVIII столетия. Байер установил соответствия именам варягов в шведском, норвежском и датском языках, а также в средневековых латиноязычных и грекоязычных хрониках, в скандинавских сагах и в надписях на рунических камнях. Он определил также социальные

---

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. С. 40–45. Перевод приведен с уточнениями.

⁵ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 146–216.

функции варягов на Руси. Это – знатные по происхождению скандинавы, шведы, готландцы, норвежцы, датчане на военной и гражданской службе. Основную свою задачу – определить происхождение и значение слова *варяг* – Байер решить не смог. Он отмечал функциональные связи этого понятия с представлениями о разбойных нападениях, о войнах-наемниках. Но под явным влиянием начальных фраз «Анналов» римского историка Тацита Байер написал по отношению к русской истории: «Руссы изначально имели своих царей от варягов»⁶.

Статья Т. З. Байера «О варягах» показала, что Русь изначально была включена в общеевропейский исторический процесс. Он ввел в научный оборот значительное число известий латиноязычных, грекоязычных и скандинавских исторических источников о Руси и норманнах с IX в., проявил замечательную эрудицию, принял участие в обсуждении этих сообщений, если они ранее анализировались его предшественниками и современниками. Но он же сформулировал тезис об изначальном норманском происхождении русских князей, что подразумевало в то время основание норманнами Русского государства.

Это исследование Т. З. Байера на «норманскую» тему, как и другие его работы, в которых упоминались скандинавы на Руси, тогда не воспринимались как антироссийские. В правление Анны Ивановны (1730–1740), когда публиковались его разыскания, продолжалась петровская традиция активного приглашения иностранных специалистов. Тогда еще недоставало российских профессионалов. К тому же императрица чувствовала себя увереннее в окружении иностранцев на русской службе, к которым она добавила «своих» курляндцев. Причинами этого стали не только особенности ее воцарения с уничтожением «кондиций», но также ее стремление утвердить на российском престоле царскую ветвь своего отца, Ивана V Алексеевича, старшего единокровного брата Петра I (царствование Ивана VI Антоновича, Анны Леопольдовны, регентство Бирона в 1740–1741 гг.). Так что признание Байером варягов скандинавами не вызвало критики в Петербургской Академии наук, а мысль о возможности создания государства одним человеком, в российской истории – Рюриком, была широко распространена в разных общественно-политических и научных направлениях не только в XVIII, но и в XX в.

В 1730-е годы другой профессор истории и академик Петербургской академии наук, Герард Фридрих Миллер (1705–1783), характеризовал людей, которых называли «варягами», как скандинавов. Определяющим в этом названии он считал не этническую принадлежность, а занятия мореплаванием⁷. Между тем после дворцового переворота, который 28 ноября 1741 г. возвел дочь Петра Великого Елизавету на престол, суждения об особом значении иностранцев в российской истории оказались в другом идейном и общественно-политическом контексте. «Немцы», составлявшие ближайшее окружение Анны Ивановны и ее преемников, не только находились между Елизаветой и тронem. Они могли осуществить намерения «Ивановичей» лишить Елизавету свободы и даже жизни. Поэтому приговор суда о демонстративно жестоких казнях графа А. И. Остермана, фельдмаршала Б. Х. Миниха, обер-штальмейстера графа К. Г. Левенвольде, а также кабинет-министра М. Г. Головкина и члена Коллегии экономии И. Темирязева (хотя казни и были заменены тогда же ссылками) символизировали решительные изменения во внутренней политике в начале царствования Елизаветы (1741–1761). В частности, из высшего государственного и армейского управления были удалены иностранцы. Под явным влиянием елизаветинского фаворита А. Г. Разумовского началось преследование иноверческих богослужений, а также старообрядцев и квакеров⁸.

⁶ *Bayerus Th.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad annum 1729. 1735. T. 4. P. 275–311.*

⁷ *Müller G. F. Nachricht von einem alten Manuscript der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiof // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1732. Bd. I. 1. Stück. S. 1–4.*

⁸ О законодательных мерах Елизаветы Петровны в начале ее царствования см.: *Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 270–291; Ашисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 108–113 (ЖЗЛ. Вып. 1138 (938)).*

Вероятно, эти меры, осуществлявшиеся в 1740-е годы, интриги советника академической Канцелярии И. Д. Шумахера и его окружения, управление Петербургской академией наук ее президентом К. Г. Разумовским, братом императорского фаворита, содействовали формированию у М. В. Ломоносова негативного отношения к ее «немецкому» руководству. Но это не были понимаемые некоторыми учеными в XX – начале XXI в. «антинемецкие» настроения. Ломоносов высоко чтит выдающегося ученого, одного из своих научных руководителей в Марбургском университете во время обучения в Германии (1736–1741) – Христиана Вольфа. Перевод его труда, посвященного экспериментальной физике, Ломоносов опубликовал в России уже в 1745 г. Женится он по любви в Германии на немке. Последовавшая затем острая дискуссия по «норманской проблеме» свидетельствовала об антинемецких настроениях при петербургском дворе 1740-х годов.

Суть этих тенденций сформулировал В. О. Ключевский: «В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна всё делать своими руками – такова была господствующая мысль того времени»⁹. Такая идея относительной политической и экономической самоизоляции, как и елизаветинские меры против «немцев» и иноверцев, тоже противоречила петровской концепции органического экономического, политического и культурного единства России с другими европейскими странами, хотя очевидны были ее быстрые положительные следствия.

Идейная ситуация в конце 1740-х годов осложнялась придворными интригами. Братья П. И. и А. И. Шуваловы противостояли А. Г. Разумовскому, фавор которого завершался. На смену ему братья Шуваловы готовили в фавориты своего прекрасно образованного восемнадцатилетнего двоюродного брата И. И. Шувалова. Возможные изменения при дворе могли воздействовать на положение президента Академии наук К. Г. Разумовского, родного брата еще находившегося в статусе фаворита А. Г. Разумовского.

Внутренняя политика в России 1740-х гг. осложнялась ее активной поддержкой Австрии в Войне за «австрийское наследство», хотя Россия и не участвовала в сражениях. В стране усилились административный надзор и давление на интеллектуальную жизнь. Контроль над переводами в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые издавались Академией наук, был поручен М. В. Ломоносову в соответствии с решением от 6 мая 1748 г. академической Канцелярии, исполнявшей правительственные распоряжения. В частности, жестко контролировалось содержание публикуемых статей: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить же»¹⁰. До продажи тиража «Ведомости» на русском и немецком языках по одному экземпляру должны были передаваться в «домовую канцелярию» канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, сторонника союза России и Австрии¹¹.

За исполнением этого постановления внимательно следили. Когда разразился скандал в связи с тем, что в «Ведомостях» о повышении И. И. Шувалова в камер-юнкеры сообщалось без указания его отчества, М. В. Ломоносов в свое оправдание сообщил И. Д. Шумахеру в письме от 17 ноября 1749 г., что в его обязанности не входит наблюдение над содержанием «российских артикулов» в «Ведомостях»: «Затем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в российском языке, а особливо что *в данной мне инструкции предписано от всяких умствований удерживаться*»¹².

---

⁹ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения: В 8 т. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М., 1959. С. 410.

¹⁰ Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 197.

¹¹ Там же. С. 195–197.

¹² Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 134–137; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений (далее – ПСС). М., 1957. Т. 10. С. 468, 806–807; курсив наш.

О положении ученого в век абсолютной монархии и фаворитизма М. В. Ломоносов написал в поэтическом экспромте в последний год царствования Елизаветы Петровны, когда уже являлся знаменитым ученым и поэтом, активно участвовал в организации науки в России и стремился улучшить положение российских исследователей для пользы прежде всего отечества. Свои горестные размышления Ломоносов предварил точным указанием обстоятельств создания стихотворения перед прибытием в императорскую резиденцию – «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, / Коль больше пред людьми ты щастьем одарен! / <...> Ты скачешь и поешь, *свободен*; беззаботен; / Что видишь, все твое; везде в своем дому; / *Не просишь ни о чем, не должен ни кому*»¹³.

Такое переплетение общественно-политических идей, придворных интриг, административного контроля и давления создали чрезвычайно сложную обстановку вокруг ассамблеи Академии, назначенной на 6 сентября 1749 г. и посвященной тезоименитству императрицы. К тому же она должна была продемонстрировать успехи Академии как следствие недавнего введения ее устава. На этом заседании должны были присутствовать императрица и ее двор.

В соответствии с предварительно составленной программой ассамблеи Г. Ф. Миллер должен был прочесть диссертацию, как тогда называли научный доклад, под названием «Происхождение народа и имени Российского». Доклад с таким названием неизбежно оказывался в зоне особого внимания инициаторов елизаветинской этнокультурной политики 1740-х годов, а также ученых с их профессиональными знаниями. Этот доклад мог стать частью придворных интриг, свойственных абсолютистскому государству. Поэтому по приказу К. Г. Разумовского собрание было перенесено на 25 ноября, годовщину вступления Елизаветы Петровны на престол, а диссертацию Г. Ф. Миллера следовало подвергнуть «апробации» в самые короткие сроки. Назначенным в качестве экспертов профессорам, включая М. В. Ломоносова, и адъюнктам было поручено установить, «*не същется ль в оной чего для России предосудительнаго*, и по свидетельстве объявить им о том свои мнения письменно в Канцелярию»¹⁴.

Основными участниками этой дискуссии являлись Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов. Первый из них утверждал, что имя *руссы* восходит к названию шведов через фонетическое посредство финского языка. Руссы – народ, который возник от смешения варягов со славянами. Рюрик и его потомки – из шведского рода. По мнению М. В. Ломоносова, россияне и их имя восходят к роксоланам. Роксоланы – о дин из сарматских народов, тогда как славяне и сарматы – о дин народ. Варяги и Рюрик с братьями – славяне. Славяне и руссы до появления варягов являлись единым племенем. Россы – н арод, смешавшийся с аланами. Они находились между Днепром и Доном. Произношение *росс* трансформировалось в *русс* под влиянием польского языка. Но основные противоречия М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера заключались в том, что миллеровская интерпретация исторических событий подразумевала общественно-политическую отсталость славян в сравнении с варягами-скандинавами, которые основали Русское государство, тогда как ломоносовская концепция исходила из внутренних закономерностей его формирования.

Научное содержание этой дискуссии и приводимых обеими сторонами доказательств отражало уровень развития исторической науки первой половины XVIII в. Но концепция Г. Ф. Миллера обращала внимание на необходимость научного изучения скандинавов в Восточной Европе в IX–XI вв., тогда как концепция М. В. Ломоносова – на этнокультурную традицию и саморазвитие. Впрочем, Канцелярия Академии наук постановила отпечатанные экземпляры диссертации Г. Ф. Миллера уничтожить, а рукописные авторские экземпляры сдать в

---

¹³ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 736; курсив наш.

¹⁴ Билярский П. С. Материалы... С. 129–132; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 10. С. 66, 74, 83; Ломоносов М. В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 547; курсив наш.

академический архив. В ходе обсуждения диссертации в 1749–1750 гг. Г. Ф. Миллер бескомпромиссно возражал и даже оскорблял своих оппонентов. По указу от 6 октября 1750 г. за подписью К. Г. Разумовского он на год был лишен профессорского звания и понижен в адъюнкты. Ему запрещалось присутствовать в Академическом собрании. В случае непослушания ему угрожал суд. Впрочем, после покаянного письма Г. Ф. Миллера К. Г. Разумовский вернул ему профессорскую должность, но с обязанностью заниматься только написанием «Сибирской истории», работу над которой по собранным во время сибирской экспедиции материалам Г. Ф. Миллер никак не мог завершить¹⁵.

В отличие от критиков Г. Ф. Миллера секретарь академического Исторического собрания поэт В. К. Тредиаковский в своем отзыве от 13 сентября 1749 г. поддержал возможность публикации обсуждаемой диссертации и ее произнесения на академическом собрании. Он обратил внимание на еще малую изученность древней русской истории и ввел в характеристики выводов исследователей математическую категорию вероятности: «Каждое утверждение будет иметь разные степени вероятности, то есть будут они больше или меньше вероятны, а никогда не получают себе математические достоверности». Поэтому он обобщил: «Итак, когда я говорю, что сочинитель сея речи с нарочитою вероятностию доказывает свое мнение, то разумею, что автор доказывает токмо вероятно, а не достоверно». Эта «нарочитость» сохранится до того времени, «пока кто другой большие и достовернейшие [доказательства] не подаст в рассуждении сего»¹⁶. Такой вывод предостерегал против категоричности и однозначности авторских суждений, оставляя место разным исследовательским методам и накоплению источниковых материалов, в частности в изучении «норманской проблемы».

В научной литературе обычно рассматривают двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны как единое в своем политическом и идейном содержании. Между тем на рубеже 1740-х – 1750-х годов в России стали распространяться идеи и книги французских просветителей. В середине 1750-х годов Россия была вовлечена в общеевропейскую систему коалиций, что завершилось Семилетней войной (1756–1763) Австрии, Франции, России, Швеции, Саксонии против Пруссии и ее союзников. Во второй половине 1750-х годов Россия в полной мере вернулась в европейское политическое и культурное пространство.

Историческим концепциям просветителей были свойственны идеи единства исторического процесса, противопоставление варварства, архаических форм бытия и цивилизации, т. е. достижений общественно-политического устройства, материальной и духовной культуры. Это единство проявлялось в средние века также во всеобщем распространении феодального строя¹⁷. Вслед за Ш. Монтескье и «Энциклопедией» Д. Дидро и д'Аламбера немецкий философ и просветитель И. Г. Гердер соотносил появление и распространение феодализма («ленного строя») с расселением в Европе германских племен, с превращением завоеванных земель во «всеобщую собственность» или «общее владение», которые после распределения королем между воинами становились частным владением с отношениями в нем господства и подчинения, с их вассальными отношениями к королю¹⁸.

Такое расселение германцев в Европе и его последствия подразумевали включение в этот исторический процесс северных германцев – скандинавов-норманнов.

Еще в конце правления Елизаветы Петровны, но в новых общественно-политических и идейных обстоятельствах, М. В. Ломоносов вернулся к определению этнической принадлеж-

---

¹⁵ Материалы... Т. 10. С. 581–586; *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 365.

¹⁶ *Буляровский П. С.* Материалы... С. 756–758; курсив наш. Подробнее о диссертации Г. Ф. Миллера и ее обсуждении см.: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 548–589.

¹⁷ *Voltaire.* Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les rincipaus faits sur l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII // *Oeuvres complètes de Voltaire.* S. 1., 1785. Т. 16. P. 413–414.

¹⁸ *Herder J. G.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga; Leipzig, 1792. S. 230–292.

ности варягов. В официально заказанном ему и изданном в 1760 г. Академией наук «Кратком Российском летописце» он написал, что по берегам Балтийского моря жили варяги, разные по происхождению народы – россы, готы, норманны, свеи, т. е. шведы, «ингряне». Они поселились «на многих местах», воюя и торгуя со славянами, путешествуя по их землям в Грецию¹⁹.

Эту мысль о многоэтничном содержании слова *варяги* М. В. Ломоносов значительно развил в первом томе «Истории Российской», названной в посмертном издании 1766 г. «Древняя Российская история». Ее седьмую главу, названную «О варягах вообще», он начал утверждением: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем». То есть в вопросе о происхождении слова *варяги* он пересмотрел в 1760–1765 гг. суждения об отнесении варягов только к шведам или только к славянам-ваграм или пруссам.

М. В. Ломоносов обоснованно написал, что не только шведы, норвежцы, исландцы, славяне, но и греки-византийцы использовали это слово. Поэтому он пришел к выводу, далекому от категоричности, но определенному: «Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам». При этом Ломоносов настаивал, что варяги «не были только одни шведы». Он отметил, что славяне участвовали в походах на Рим и на Грецию с «готическими и другими северными народами», а также в морских походах варягов²⁰.

Таким образом, противопоставляя в особых конкретных обстоятельствах конца 1740-х годов славян и Руси западным странам, вагров-славян на востоке Европы варягам-скандинавам на ее западе, М. В. Ломоносов в соответствии с концепцией единства исторического развития интерпретировал в 1760–1765 гг. слово *варяги* как понятие, интегрирующее народы Балтийского побережья, включая скандинавов.

Состояние исследований «норманской проблемы» в просветительской парадигме обобщил Н. М. Карамзин (1766–1826) в изданном в 1816 г. первом томе «Истории государства Российского». Этот том, как и все первые шесть томов этого выдающегося труда, был написан в 1804 – первой половине 1812 г. и подготовлен к печати после Отечественной войны. Кроме научного содержания, он был насыщен, в частности, патриотическими идеями эпохи наполеоновских войн. Но для Карамзина были неприемлемы гонения за научные идеи. Поэтому, искренне занимая патриотическую позицию в условиях ее широкого внесловного распространения, когда она могла быть подменена абсолютизацией национального чувства, он осудил гонения на Г. Ф. Миллера за научные идеи в дискуссиях в связи с обсуждением его диссертации «О происхождении народа и имени российского». В данной связи Карамзин писал: «Ныне трудно поверить гонению, претерпенному автором за сию диссертацию в 1749 году. Академики по указу судили ее: Ломоносов, Попов, Крашенинников, Струбе, Фишер на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства и диссертацию, уже напечатанную, запретили. Наконец, Миллер согласился, что Варяги-Русь могли быть роксолане в смысле Географа Равенского, а не древние»²¹. В данной связи Карамзин особо отметил административное давление на членов Петербургской академии наук во время обсуждения диссертации Миллера.

Собрав все доступные для того времени материалы, источниковые и исследовательские, Н. М. Карамзин пришел к выводу, близкому к наблюдениям Г. Ф. Миллера. В соответствии с ним «Несторовы Варяги-Русь» и *росы*, *руссы* других исторических источников – скандинавы. Их название соотносится со шведской областью Ros-lagen и со словом, означавшим «грести

---

¹⁹ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 6. С. 293.

²⁰ Там же. С. 203–204.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1. Примеч. 111; курсив Н. М. Карамзина.

вслом». От этой области и ее шведского населения, которое финны называют «Россы, Ротсы, Руотсы», произошло название Русь.

При последующем конкретном изложении начальной истории государства Российского Н. М. Карамзин обратил внимание на формирование в соответствии с «Нестором» (ПВЛ) в княжение Рюрика того типа государственности, которая была хорошо известна в раннесредневековых странах. Поэтому он характеризовал государство Российское в процессе его становления в категориях европейской раннесредневековой истории – к началу княжеского единовластия и наделение Рюриком «знаменитых единоземцев своих» городами в управление. Вывод Карамзина последователен: «Таким образом, вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система феодальная, поместная или удельная, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские»²².

Но тогда же, в конце XVIII – начале XIX в., формировалась новая идейная и художественная система – романтизм. Он оказал значительное влияние на изучение «норманской проблемы», на что ее историографы, как и многие специалисты в других отраслях гуманитарного знания, при изучении истории того времени не обращали внимания. Идеи предромантизма формировались еще в 1770–1780-х годах в трудах И. Г. Гердера и И. В. Гёте²³. Они отметили значительное многообразие народов в их антропологическом типе, психическом складе и образе жизни. Формировавшаяся романтическая концепция отдавала приоритет национальному содержанию как антитезе просветительскому пониманию общих закономерностей исторического развития. В условиях предреволюционной и революционной Франции, распространения ее идей единства исторического процесса развилась другая составляющая этой романтической концепции – особое значение народа как субъекта истории в его этнокультурных и исторических особенностях.

Идеи романтизма быстро распространились в Европе среди интеллектуалов, людей творческих профессий – литераторов, композиторов, художников. Под влиянием увиденного в европейских странах во время путешествия 1789–1790 гг. Н. М. Карамзин писал в «Письмах русского путешественника», еще в стилистике эпохи Просвещения: «Всё *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»²⁴ Но уже в 1802 г. он сформулировал новый подход к изучению России и ее истории в системе принципов романтизма – в единстве народа как этнокультурной целостности, государства, личности, патриотизма. Он стал решительно возражать против воспитания детей русских дворян иностранцами, поскольку им необходимы были органические связи с родиной – ее климатом, обычаями, «характером жителей, образом жизни и правления», т. е. с широко понимаемым национальным укладом жизни. Теперь Н. М. Карамзин утверждал, что основой воспитания должно стать освоение национальной культуры, которая станет началом успехов государства: «Мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским, а нам для государственного счастья не надобно ни французов, ни англичан». В молодых русских дворянах он видел будущее российской науки²⁵.

В отличие от такой консервативной интерпретации Н. М. Карамзина И. Г. Фихте (1762–1814) сформулировал в 1807–1808 гг. свои идеи патриотизма, необходимости преобразова-

²² Там же. С. 116–117.

²³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / Перевод и примеч. А. Михайлова. М., 1977. С. 140–168; Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. Т. 3: Из моей жизни: Поэзия и правда. С. 428.

²⁴ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. / Составитель, вступительная статья, комментарии Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1. С. 346; курсив Н. М. Карамзина.

²⁵ Карамзин Н. М. 1) Странность // Вестник Европы. М., 1802. № 2. С. 52–57; 2) О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. М., 1802. № 4. С. 56–69.

ний, понимания нации как единения всего народа на основе общности литературного языка и культуры в условиях поражений немецких государств от войск республиканской и наполеоновской Франции. Фихте по-своему осмыслил и сформулировал задачи, стоявшие перед разделенной на десятки государств Германией. Его идеи оказались близки к тому, о чем ранее писал Карамзин, но с определенными особенностями.

Утверждая существование немцев как единого народа, И. Г. Фихте обращался к ним как к этнокультурной целостности без различий в социальном и имущественном положении, подчеркивая единство нации в историческом процессе. Основу этого единства должны были составить единство самосознания и самодостаточность. Средством для достижения таких целей должно было стать государство. Ему следовало принуждать народ как целостность к достижению благих целей, к победам над внешним врагом и к успехам во внутреннем строительстве.

И. Г. Фихте считал необходимым создать единую систему образования, которая должна была объединить разделенный на сословия народ в нацию. Используя категории философии И. Канта, Фихте ввел понятие идеального типа немца – «немец в себе и для себя». Для обоснования этой националистической идеи он использовал якобы исторические факты. Фихте характеризовал всё ненемецкое в реальной действительности и идейной жизни как «мертвящий дух зарубежья». По его словам, «всё это, где бы оно ни было рождено и на каком бы языке оно ни говорило, не немецкое и чуждо нам, и чем раньше оно отделится от нас, тем лучше»²⁶.

И. Г. Фихте обратил также внимание на необходимость воспитания любви к Отечеству, осознанной принадлежности к своему народу. В условиях политической раздробленности Германии на множество государств, различных по государственному, преимущественно средневековому, устройству, он указывал на народ и Отечество как на высшие патриотические ценности, как на хранителей вечных исторических и национальных традиций²⁷.

Утверждая идею исторического, духовного и культурного единства германской нации, И. Г. Фихте пришел к выводу о необходимости ее самоизоляции и самодостаточности, не допускающих разных видов взаимодействия с соседними народами и государствами²⁸. Свою теорию единой немецкой нации он обобщил в идеалистическую концепцию закономерности исторического процесса закрытых в себе этнических общностей, возводимых к некоему мистическому единству. Такая концепция национального единства должна была противопоставить социальный мир борьбе сословий в западноевропейских странах начала XIX в.²⁹ Вместе с тем Фихте подчеркивал, что его теория не утверждает верховенства немецкой культуры над другими, имея в виду претензии на первенство в XVIII – начале XIX в. французской культуры. Но он призывал противопоставить унижающей немцев лести чужой культуре, французской, национальную гордость и немецкую культуру.

Сформулированная в 1802 г. Н. М. Карамзиным концепция романтизма отчасти отразилась в его последующей общественной деятельности и произведениях, прежде всего в характеристике русского народа как субъекта истории. Но после создания в 1815 г. Священного союза, в котором определяющее значение имел мистически настроенный Александр I, эти идеи не могли осуществиться вследствие интегрирующего воздействия унифицированного консерватизма в европейских странах. Карамзинской интерпретации романтической концепции противостояло также революционное направление романтизма: во Франции – О. Тьерри и Ф. Гизо, в России – декабристы. Карамзинская концепция консервативного романтизма, сохранившая также просветительские идеи, не пережила своего создателя, тогда как концепция И. Г. Фихте нашла свое продолжение и развитие в теориях немецких романтиков о «народном духе», в

---

²⁶ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / Перевод А. А. Иваненко. СПб., 2009. С. 52–63, 66, 69–70, 75.

²⁷ Там же. С. 189, 197, 199.

²⁸ Там же. С. 290–291, 297.

²⁹ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. С. 299, 303, 307–309.

последующей российской общественно-политической практике правления Николая I и в славянофильстве.

Это краткое изложение судеб просветительских и романтических идей необходимо для понимания историографии «норманской проблемы» в XIX–XX вв.

На рубеже 1820–1830-х годов эта проблема оказалась под значительным воздействием идеологизированной внутренней и внешней политики Николая I (1825–1855). Июльская революция 1830 г. во Франции, свержение там легитимной династии Бурбонов, революция в том же году в Бельгии, польское восстание 1830–1831 гг. имели следствием в частности распад Священного союза и формирование осознанно консервативной политики нового российского императора. Ее содержание определялось сверхцентрализованным монархическим управлением, сословным и крепостным строем Российской империи, значительно отстававшей вследствие этих причин в экономическом развитии от передовых стран Западной Европы, где уже происходила промышленная революция. Основы романтической консервативной идеологии николаевского правления были сформулированы как «самодержавие, православие, народность», т. е., как писал граф С. С. Уваров, «народное начало в видах правительства»³⁰. Такие принципы стали определяющими во внутренней политике царской власти до начала XX в. В частности, они идеологизированно противопоставляли историческое развитие России другим европейским странам.

Как форма оппозиции к такой системе императорской власти в 1830-е годы сформировалось славянофильство в качестве особого направления общественной мысли. Сохраняя монархию, оно предполагало наполнение государственной власти православными и светскими либеральными ценностями. Идеи особого славянского духовного мира и его общинности оно противопоставило рассудочному Западу, тогда как в православии особо отмечались его религиозно-философские и нравственные начала. Этнокультурные особенности русских и, шире, славян оно обобщило до особенностей их экономического, социального и политического строя, до особого пути их исторического развития.

Западники как другая форма либеральной оппозиции правлению Николая I и его преемников являлись сторонниками западноевропейского пути социально-экономического и политического развития России. До конца XIX – начала XX в. они отмечали в своих научных трудах сходство и различия исторической эволюции России и стран Запада. В таком сложном общественно-политическом и научном контексте оказалось научное изучение «норманской проблемы».

В 1832 г. М. П. Погодин, профессор русской истории Московского университета, сформулировал конкретное содержание официальной концепции. В частности, в своей лекции для студентов в присутствии товарища министра народного просвещения С. С. Уварова он сохранил карамзинское мнение о скандинавской принадлежности варягов на Руси IX–X вв., подчеркивая особое значение «призвания» Рюрика и его братьев. «Призванием» варягов российская история, по Погодину, отличалась от «завоевания» германцев на Западе³¹. «Призвание» скандинавов-варягов объясняло, по его мнению, последующее бесконфликтное развитие русского государства и общества, его социальное и культурное единство, тогда как в германском «завоевании» западные просветители видели начала феодализма в средние века, а французские романтики – и стоки формирования классов и классовой борьбы.

В научной дискуссии 30–90-х годов XIX в. происхождению этнонимов *русь*, *росы* и *варяги* было посвящено значительное число работ, профессиональных и любительских. Это – особая тема историографических штудий. Объединенные возражениями против их скандинавских начал, исследователи объясняли происхождение названия *русси* от хазар (И.Ф.Г. Эверс),

---

³⁰ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 236.

³¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 72–78.

руси, *росов* – от реки Рось или Русь, а *варягов* – от венедо-германского названия пиратов, которое перешло от балтийских славян к восточным (С. А. Геденов), названия *руси* от финно-угорских племен (П. Г. Бутков, Д. Ф. Щеглов), от черноморских (приазовских) славян (Д. И. Иловайский, И. Филевич), готов (А. А. Куник, В. Г. Васильевский, А. Будилович), от жмуди (литовцев) (Н. И. Костомаров). Сохранило свое влияние мнение о происхождении названия *варягов* от славянских областей Балтийского поморья (Ф. Л. Морошкин, А. Васильев, И. Е. Забелин) и т. д.³²

Этим работам было свойственно частичное использование уже введенных в научный оборот исторических источников, их иллюстративное применение без источниковедческого анализа. Внимание авторов было сосредоточено на отдельных вопросах возникновения и семантики этнонимов *русь*, *росы*, *варяги*.

Вследствие этого их наблюдения в значительной мере субъективизировались. Обобщая в 1876 г. свои наблюдения над содержанием происходившей дискуссии, В. О. Ключевский не без горечи и сарказма написал: «Прежде господствовало критическое направление в исследовании вопроса: одна сторона разбирала источники, чтобы отстоять летописную легенду; другая, опровергая ее, обращалась к другим источникам, чтобы доказать другое, чаще – чтобы приурочить легенду к другому выводу. Теперь в большинстве исследований господствует творческое направление: торопливо покритиковав спорные известия, спешат составить из них новое сказание о начале Руси, иногда прямо противоположное летописному, или же дать последнему такое толкование, которое делает сагу на себя не похожей. Вообще можно сказать, что легенда о призвании перестала служить средоточием исследований; ученые вступили в полемику с летописцем, перестав быть его комментаторами, и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать»³³.

В этих наблюдениях отразился не только накопленный В. О. Ключевским исследовательский опыт. В них содержался также научный опыт профессора кафедры русской истории С. М. Соловьева, лекции которого он слушал в свои студенческие годы в Московском университете. В первом томе «Истории России с древнейших времен», начатом в 1848 и опубликованном в 1851 г., т. е. во время ожесточенных дискуссий западников и славянофилов, так называемых «норманистов» и «антинорманистов», Соловьев не мог не определить этническую принадлежность варягов, которые неоднократно названы в ПВЛ, основном нарративном источнике для изучения истории восточных славян и Руси IX – начала XII в.

С. М. Соловьев рассмотрел «норманскую проблему» не как сторонник одного из противоборствующих мнений, а как исследователь. Сначала он определил систему географических знаний автора ПВЛ о Европе. Затем отметил, что варяги указаны летописцем на северном, скандинавском, берегу Варяжского, т. е. Балтийского, моря. На его южном берегу живут, как написал летописец, славяне, а также «народы племени финского и латышского». Поэтому, обобщил свои наблюдения Соловьев, «варяги летописца суть скандинавы». Далее он привел уже введенные в научный оборот сведения латиноязычных источников IX–X вв. о принадлежности россов к скандинавам и арабоязычных – о «нетождестве варягов, руси и славян».

В завершение этих наблюдений С. М. Соловьев привел наиболее обоснованные, по его мнению, значения «названий» *варяги* и *русь*. Первые из них – дружины людей, «волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях и в странах чуждых». Само слово *варяги*, написал он далее, из германских языков. Такие дружины у славян, финнов, греков и арабов назывались *русь* (*рос*) для обозначения «людеймореплавателей,

³² Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Т. 10. С. 109–136, 343–379, 501–537; *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой. М., 1985. С. 57–58, 63–66; *Хлевова А. А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 24–30.

³³ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / Сост.: А. А. Зимин, Р. А. Киреева. М., 1983. С. 118–119.

приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским». Эта *русь* оказалась на берегах Черного моря до появления Рюрика с братьями³⁴.

Исходя из принципов «родовой теории», С. М. Соловьев объяснял «призвание» Рюрика необходимостью в условиях взаимной вражды родов установления «наряда», т. е. княжеской власти как управления, чуждого родовым отношениям, и справедливого суда³⁵.

На новом уровне развития исторической науки во второй половине XIX в. под влиянием позитивизма, а позднее и марксизма исследователи стали обращать особое внимание на воздействие экономики на общественно-политические процессы. В. О. Ключевский в своем знаменитом университетском курсе русской истории утверждал, что Русь, этнокультурную и экономическую основу которой составляли восточные славяне, являлась торговой, городской, с городскими областями. В такой характеристике отразилась распространенная в пореформенной России политизированная либеральная теория земско-вечевого самоуправления древнерусских городов как историко-идеологическое обоснование российских общественно-политических программ второй половины XIX – начала XX в. (И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, М. Ф. Владимирский-Буданов). В левых общественно-политических направлениях тогда же и в тех же целях она была интерпретирована как общинно-вечевая (Н. П. Огарев, Д. И. Писарев, И. Г. Прыжов, А. П. Щапов и другие)³⁶.

По В. О. Ключевскому, в таких вечах городах, которые стали центрами «городовых областей», собирались скандинавы-варяги. Являясь первоначально «шайками пиратов», они стали прибывать на Русь в X–XI вв. «с торговыми целями» или по призыванию «наших князей». В легенде о призывании Рюрика с братьями, писал Ключевский, выразилось признание властвующей княжеской силы властью по праву. Поэтому «вече северных союзных племен» постановило искать князя, который бы «владел и судил по праву». «Депутаты веча» передали это «приглашение» скандинавам-Руси. То есть Русское государство образовалось в результате договорных отношений веча и князя. Варяжские князья создали княжества, а «соединение варяжских княжеств» имело следствием создание «великого княжества Киевского». Таким образом, по Ключевскому, его появление стало следствием не деятельности скандинавов, а «указанных выше экономических и политических фактов»³⁷.

Вовлечение Российской империи конца XIX – начала XX в. в единые мировые социально-экономические и политические процессы имело следствием переосмысление теорий ее исторического прошлого. В результате исследований Н. П. Павлова-Сильванского было установлено, что в средневековой Руси существовали те же феодальные социально-экономические и социально-политические институты, что и в средневековых государствах Западной Европы. Впрочем, исходя из их ограниченного, а то и ошибочного понимания, он, как и его современники, считал свойственными для Руси до XIII в. общинность и вечаевой строй³⁸.

Обоснование феодализма в средневековой Руси «вернуло» Россию в единый европейский исторический контекст. Такое «возвращение» отразило концептуальные изменения в российской общественной мысли начала XX в., поскольку после либеральных реформ второй половины 1850-х – 1860-х годов и ограничения их в 1870-е годы, в царствование Александра II (1855–1881) она вновь оказалась под идеологическим и политическим давлением в правление Александра III (1881–1894). Такая внутренняя политика имела значительные негативные

---

³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1. С. 97–103.

³⁵ Там же. С. 87–89.

³⁶ Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С. 105–125.

³⁷ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 131–144. Над подготовкой лекций к изданию В. О. Ключевский работал до 1903 г.

³⁸ Исследования Н. П. Павлова-Сильванского обобщены в монографиях: Сильванский Н. П. 1) Феодализм в древней Руси. СПб., 1907; 2) Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

последствия для экономики и состояния общественно-политической жизни России. Так что Николай II вынужден был постепенно смягчать режим власти. Под действием Первой русской революции 1905–1907 гг. это смягчение трансформировалось в реформирование и либерализацию властных институтов.

В таких новых общественно-политических условиях А. Е. Пресняков в лекциях 1915–1916 гг. в Петроградском университете рассматривал проблему скандинавов в Восточной Европе в VIII–XI вв. как составную часть так называемой «эпохи викингов», общеевропейской по своему содержанию.

Такая постановка традиционной для российской историографии «норманской проблемы» являлась новой, что, кажется, не отмечено в историографических обзорах данной научной темы. Между тем, А. Е. Пресняков учитывал современные ему исследования историков, археологов, филологов и лингвистов. Он мобилизовал все виды исторических источников – письменные древнерусские, латиноязычные, арабоязычные, а также лингвистические, археологические и клады восточных монет в Восточной Европе и Скандинавии. В контексте понятия «эпохи викингов» Пресняков написал о возникновении «скандинаво-русской государственности» на северо-западе Восточной Европы. Этот вид государственного образования он рассматривал как составную часть общеевропейского исторического процесса в IX–XI вв., когда происходила ассимиляция скандинавов в разных частях Европейского континента местным населением, где они оказались вследствие своих переселений³⁹.

В советский период отечественной истории официальной идеологией новой государственности, РСФСР, а с 30 декабря 1922 г. – СССР, стал марксизм. Эта концепция формулировала единые закономерности формационного развития человечества, а также интернациональную и классовую сущность общественных отношений. Сложная в своем общественно-политическом и научном содержании, она ожесточенно дискутировалась в 1920-х – начале 1930-х годов. Тогда в социологизированном и политизированном изложении российской истории М. Н. Покровский, ученый дореволюционной школы и видный функционер коммунистической партии, писал в учебнике, что до середины IX в. существовали в Восточной Европе славянские племена, но государства там основали «пришлые народы»: на юге – хазары, на севере – шведы. Шведы являлись рабовладельцами и работоторговцами. Покровский вслед за В. О. Ключевским писал, что предметами торговли являлись также «продукты лесного хозяйства». В X в. князья ничем не «управляли» и не участвовали в суде. К концу этого столетия они ослабли. Центрами экономической и общественной жизни стали города со смешанным населением, а «шведы составляли первое время господствующий класс этого городского населения»⁴⁰.

В 1934 г., после восстановления в вузах исторических факультетов, сотрудниками Института истории АН СССР и кафедры истории СССР исторического факультета МГУ был подготовлен новый учебник, в котором в соответствии с марксистской теорией рассматривалась история СССР до конца XVIII в. как единый исторический процесс во всемирном формационном развитии. Том был подписан к печати 28 июля 1939 г. В отличие от прежних социологических схем этот учебник был насыщен конкретным историческим материалом. История общества излагалась в нем как история классов и классовой борьбы.

В разделе, написанном Б. Д. Грековым, содержание процесса образования «Киевского государства» было лишь намечено, поскольку он еще не был конкретно изучен как следствие социального и экономического развития восточных славян. Греков характеризовал в общем виде распад родовых отношений, формирование марки-верви, торговлю и торговые

---

³⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории XXII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993. С. 280–294.

⁴⁰ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 22–23.

пути. Появление норманнов-варягов в Восточной Европе он объяснил как составную часть их распространения во всей Европе, в частности их появление в восточнославянских землях – как следствие определенной закономерности общеевропейской истории IX в., «эпохи викингов». Эти варяги, писал он в традиции Соловьева–Ключевского, являлись разбойниками и торговцами. Согласно концепции Грекова, некоторым предводителям варяжских дружин удавалось захватывать славянские городки, подчинять окрестное славянское население, покорив или уничтожив «местных князей». Так появились некоторые славянские княжеские династии, восходившие к варяжским пришельцам. Но в славянской среде они быстро ассимилировались, поскольку «в культурном отношении варяги не стояли выше славян». Объясняя происхождение названий *русь* и *рос*, Греков привел гипотезу В. А. Брима. В соответствии с ней, первое из них восходило к южной части Восточной Европы, второе – к ее северной части и происходило от названия прибрежной части Средней Швеции⁴¹.

Таким образом, новый подход предполагал органичное включение России в единое европейское пространство, что создавало условия для всестороннего исследования этой сложной научной проблемы. А. Е. Пресняков наметил комплексное изучение конкретного содержания участия скандинавов в процессе становления Русского государства, в этнокультурной своей основе – восточнославянского. Его исследование основано на всех видах исторических источников – письменных, лингвистических и памятниках материальной культуры. Выводы Преснякова были поддержаны в качестве вузовской учебной схемы уже в контексте марксистской теории. Такой комплексный метод был продолжен В. В. Мавродиным. Его монография «Образование Древнерусского государства» была подписана к печати 11 июля 1945 г., вскоре после разгрома нацистской Германии. Исследовал он в этом обобщающем труде и «норманскую проблему».

В Петербурге-Петрограде-Ленинграде существовала традиция исследований русско-скандинавских отношений и скандинавов в Восточной Европе в IX–XVIII вв. (Г. В. Форстен, Ф. А. Браун, В. А. Брим, Е. А. Рыздзевская). В 1920–1930-е годы В. И. Равдоникас во время археологических раскопок Старой Ладogi и курганов на северо-западе Восточной Европы изучил многочисленные и значимые скандинавские материалы в этом регионе. Так что В. В. Мавродин соединил накопленные наблюдения над историей и археологией скандинавских стран, а также норманнов в Восточной Европе с изучением в отечественной научной традиции процесса формирования и развития Русского государства в IX–X вв.

К первой половине IX в. В. В. Мавродин отнес существование северо-западного и юго-восточного объединения славянских племен, которые были временно подчинены и платили дань: первые – норманнам-варягам, вторые – до конца IX в. – хазарам. Варяги в то время – воины и грабители, купцы-разбойники. Следствием такой их деятельности стало приобретение огромного количества восточных монет и вещей VIII–IX вв. В середине IX – X в. в восточнославянских землях существуют города. Межплеменные союзы включали также финские племена. У «русских племенных князьков» были свои дружины. Норманны тогда – воины-наемники, «варяги». Они тоже стали членами княжеских дружин. Они – также «варяги»-купцы, которые торговали с Востоком, Западом и Константинополем. Варяги становились «одним из элементов древнерусского общества», ассимилируясь в древнерусской среде. Варяжский конунг Рюрик захватил власть в Новгороде. В «Руси Киевской», «Днепровской Руси» князьями стали в IX в., вероятно, «конунги варяжских дружин» Аскольд и Дир, которые правили в разное время. «Древнерусское Киевское государство» образовалось в результате объединения новгородским князем Олегом, тоже норманном, новгородской и киевской государственности. В его войске кроме словен и кривичей участвовали чудь, весь, возможно, меря, тогда как «варяжский элемент в дружине Олега был очень силен и играл большую роль». Выражая свое

---

⁴¹ История СССР: Учебник для вузов. М., 1939. С. 90–91.

отношение к «норманской проблеме», Мавродин приводил для личной безопасности многочисленные ссылки на К. Маркса, а также цитировал свидетельства исторических источников о скандинавской принадлежности варягов, князей Рюрика и Олега. По словам Мавродина, «дело заключается не в том, чтобы в борьбе с ложными концепциями норманистов отрицать наличие варягов и их значение на начальных этапах истории Киевского государства, а в том, чтобы выяснить их истинную роль в создании древнерусского государства <...>»⁴².

Однако уже с 1947 г., в условиях начавшейся «холодной войны», ядерного шантажа США послевоенный сталинский режим стал осуществлять двойственную политику – внешнюю, основанную на интернационализме, и внутреннюю, содержанием которой стали великодержавный шовинизм, национализм и борьба с «космополитизмом», составной частью которого стал антисемитизм, сопровождавшийся идеологическим и физическим террором. Этот террор должен был показать народу-победителю его подчиненное место в системе сталинского режима. В таком политическом контексте научное изучение скандинавских древностей «эпохи викингов» в Восточной Европе было заменено борьбой с «норманизмом», который рассматривался как одно из проявлений космополитизма в истории.

В этих обстоятельствах В. В. Мавродин был вынужден публично повторять стандартные официальные обличения космополитизма и «норманизма». В духе того времени в противопоставлении космополитов-норманистов патриотам-антинорманистам он различал суждения революционных демократов (Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского) и ««истиннорусские»» реакционно-монархические теории Иловайского и Забелина», а также «либерально-буржуазные взгляды Костомарова». Мавродин отметил собранные антинорманистами значительные научные материалы, совпадения их наблюдений с новыми для того времени теориями филологов, археологов и историков над связями Руси с западнославянским миром, автохтонность восточноевропейского населения в трудах Н. Я. Марра, С. П. Толстова и других. Стандартными фразами обличая «норманизм», Мавродин призывал к более активному изучению Руси в славянском историческом контексте. Вместе с тем, соотнося «название» *русь* со Средним Поднепровьем, он продолжал считать происхождение слова *варяг* скандинавским, тогда как сами варяги, по его словам, – «в глубокой древности прежде всего скандинавские разбойники, норманские дружины, совершавшие грабительские походы; далее, они наемные воины в княжеской дружине»⁴³, т. е. в новых условиях борьбы с космополитизмом он повторил свои прежние научные наблюдения над этнической принадлежностью и социальным положением варягов.

Впрочем, формального обличения космополитизма оказалось недостаточно. Под надуманными предлогами В. В. Мавродин был в том же 1949 г. отстранен от должности декана исторического факультета ЛГУ, в 1951 г. – от заведования кафедрой, а в 1952 г. уволен с работы. После смерти И. В. Сталина, в 1953 г., он был восстановлен на работе в ЛГУ, а позднее – в тех же должностях⁴⁴.

В тех же условиях послевоенного сталинского режима Б. Д. Греков стал критиковать гипотезу В. А. Брима о скандинавском происхождении слова *русь*, утверждая его тождество с хоронимом и этнонимом с корневой основой *рос*-⁴⁵. Ранее «норманская проблема» изучалась как определение этнической принадлежности варягов, их значения в процессе становления и развития Русского государства («Русская земля» в древнерусской письменности, *Ῥωσσία* в византийской письменности X в., *Ruscía*, *Russia*, *Ruzzia* и т. п. в западной латиноязычной письменности XI–XIII вв.). Теперь характеристику варягов как норманнов следовало определять

⁴² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 174–225.

⁴³ Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949. С. 3–19.

⁴⁴ Свердлов М. Б. Мавродин Владимир Васильевич // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 281.

⁴⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. Б. м., 1953. С. 448.

как «норманизм». Обобщая суждения на эту тему в лексике 1945–1953 гг., Греков, в то время директор Института истории АН СССР, писал: «Под норманизмом мы понимаем “теорию”, “доказывающую” неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры»⁴⁶. Впрочем, такие вынужденные уступки сталинскому режиму не спасли его от увольнения с должности директора в начале 1953 г.⁴⁷

Между тем борьба с «норманизмом» продолжалась и содержательно расширялась. Д. А. Авдусин, в частности, возражая против преувеличения известным шведским археологом Т. Арне значимости скандинавских материалов в Гнездовском комплексе курганов, стал уменьшать их число и значение как источников исторической информации о скандинавах в восточнославянских землях. Свою статью Авдусин завершил выводом политическим, традиционным для послевоенного сталинского режима: «Статью Арне можно расценить как выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой»⁴⁸.

Такое суждение на долгое время стало «дамокловым мечом», нависавшим над теми историками, которые хотели объективно исследовать «норманскую проблему».

После осуждения «культы личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. тотальный физический и идеологический террор прекратился. Многие невинно осужденные люди были реабилитированы. Наступила так называемая «оттепель» (И. Г. Эренбург) в общественной и интеллектуальной жизни второй половины 1950-х – начала 1960-х годов. Она выражалась, в частности, в большей свободе высказывания, в отказе от наукообразных шаблонов сталинской поры. Но партийное руководство по-прежнему требовало критики «буржуазной идеологии» в гуманитарных науках. Эти требования осуществлялись административным руководством академических учреждений и вузов. Впрочем, под видом «критики» ученые чаще публиковали свои серьезные научные исследования, хотя критике подвергались подчас и профессионально слабые идеологизированные разыскания западных коллег.

В такой общественно-политической ситуации и с такой предысторией изучения «норманской проблемы» была опубликована в ведущем академическом журнале «История СССР» большая статья И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной историографии»⁴⁹. Эта тема не была случайной в его научных исследованиях.

И. П. Шаскольский – коренной петербуржец. Он вырос в городе, который, как и весь Северо-Запад России, был исторически органично связан со скандинавскими странами и Финляндией. Как сказал Шаскольский в одной из наших бесед, он уже в юности решил изучать историю русско-скандинавских отношений в IX–XVIII вв. К их исследованию он был хорошо подготовлен. Обучение в немецкой школе Петришуле создало основу для самостоятельного освоения скандинавских языков. Занятия в 1936–1941 гг. на историческом факультете Ленинградского университета по двум отделениям – и историческому и археологическому, стали основой профессиональной подготовки по средневековой истории отечественной и зарубежной.

На факультете преподавали в те годы выдающиеся исследователи истории Древнего мира, средних веков истории России и западноевропейских стран, известные источниковеды. Такое преподавание обучало комплексному использованию разных по происхождению исторических источников при обязательном их источниковедческом анализе. Научным руководителем Шаскольского был замечательный специалист по истории летописания М. Д. Приселков. На доверенных лекциях В. В. Мавродина Игорь Павлович, в частности, узнал о значительных исследо-

⁴⁶ Греков Б. Д. Антинаучные измышления финского «профессора» // Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 561; статья впервые опубликована в 1950 г.

⁴⁷ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 176–182.

⁴⁸ Авдусин Д. А. Неонорманистские измышления буржуазных историков // ВИ. 1953. № 12. С. 114–120.

⁴⁹ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР (далее – И СССР). 1960. № 1. С. 223–237.

вательских возможностях его конструктивного метода изучения «норманской проблемы». В Ленинграде тогда сохранялись традиции петербургских исследователей Г. В. Форстена, Ф. А. Брауна, В. А. Брима. К ученице Брауна – Е. А. Рыдзевской Шаскольский обращался в студенческие годы за советами. Их принципам научного исследования он следовал на протяжении всей своей научной деятельности.

«Норманская проблема» стала одной из научных тем, которая постоянно интересовала И. П. Шаскольского. Он изучал ее со второй половины 1950-х годов. Впрочем, вплоть до второй половины 1980-х, времени реформ М. С. Горбачева, обязательным требованием советской партийно-административной системы оставалось разоблачение «норманизма» как проявления буржуазной и антисоветской идеологии в исторической науке. Эта борьба, кроме научного содержания, должна была свидетельствовать также о патриотизме советского историка.

В соответствии с идеологемами того времени И. П. Шаскольский сохранил мнение, в соответствии с которым назначением «норманской теории» является «стремление доказать “неполноценность” русского народа, его неспособность самостоятельно создать свою государственность», обосновать решающую роль норманнов, принадлежавших к западной, более высокой культуре и цивилизации. Такой обобщенной характеристике «норманистов» Шаскольский противопоставил выводы советских историков, а также историков из Польши и ГДР, которые писали о становлении государства в результате внутреннего процесса развития общества. Он проанализировал суждения западных историков, филологов и археологов, отмечая по необходимости в обобщенной форме их выводы, сходство и различия. Шаскольский последовательно показывал преувеличение численности и значения скандинавов в отличие от сведений исторических, лингвистических и археологических источников. Впрочем, такого рода опровержениями становились пока обобщенные наблюдения советских историков без учета степени их обоснованности, а также приводимые Шаскольским сведения о взаимной критике западных исследователей по частным вопросам истории скандинавов в Восточной Европе.

Кроме традиционной критики «норманизма», разбавленной обязательными в то время обличениями, которые, возможно, были навязаны редактором или редакцией журнала мягкому по характеру И. П. Шаскольскому, из содержания статьи «Норманская теория в современной буржуазной историографии» следовало, что это – предварительная постановка проблемы для автора, превосходно осведомленного в отечественной и иностранной литературе. В статье он продолжил материалистическую концепцию объективной закономерности становления Древнерусского государства как следствия социально-экономического развития восточных славян, а также изначальной многоэтничности этого государства. Но Шаскольский следовал также исследовательской традиции А. Е. Преснякова, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, петербургских скандинавистов конца XIX – первой трети XX в., в соответствии с которой варяги – э то скандинавы. Они принимали определенное участие в начальных процессах его истории. Отсюда происходила еще не сформулированная Шаскольским проблема концентрации объединенных исследовательских усилий по критическому анализу всех видов исторических источников – письменных, лингвистических, археологических – для системного изучения.

Таким образом, в статье И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной историографии» отразились биография ее автора, общественно-политическое положение страны, состояние исторической науки, отечественной и зарубежной, в ее прошлом и настоящем.

Для конца 1950-х – начала 1960-х годов такие исследования были возможны, о чем свидетельствует приглашение редакции «Советской исторической энциклопедии» И. П. Шаскольскому написать для нее словарную статью «Варяги». Он выполнил этот заказ, так что читатели ее второго тома, опубликованного в 1962 г., прочли, что варяги – древнерусское название жителей Скандинавии. Слово это происходит от древнескандинавского *vaeringjar* – норманские

воины и купцы, служившие у византийских императоров. Как написал в этой статье Шаскольский, «варяжские воины и купцы в рус[ских] землях участвовали в общем процессе формирования клас[сового] общества и гос[ударст]ва, не сыграв в нем сколько-нибудь значит[ельной] роли, и быстро ославянились»⁵⁰.

В таком исследовании «норманской проблемы» И. П. Шаскольский учел научный опыт, накопленный не только отечественными, но и зарубежными исследователями материалистического направления.

В 1957 г. была опубликована монография Генриха Ловмянского, посвященная этой теме, – «Проблема роли норманнов в генезисе славянских государств»⁵¹. Такой буквальный перевод названия книги точен, но не весьма соответствует нормам литературного русского языка. Поэтому в переводе на русский, опубликованном 28 лет спустя, название книги стало «Русь и норманны». Оно стало литературным, но не соответствующим содержанию, поскольку не учитывало примененный автором сравнительно-исторический метод сопоставления средневековых исторических процессов, относившихся к пребыванию скандинавов на Руси и в других европейских странах, прежде всего в Польше⁵².

Г. Ловмянский проанализировал историческую информацию, содержащуюся в материалах ономастики, археологии, письменных источников Польши, Англии, Прибалтики, и пришел к выводу, в соответствии с которым на Руси прослеживается пребывание скандинавских купцов, наемных воинов, но нет следов варяжского завоевания. По его наблюдениям, в разных странах норманны-варяги приспосабливались к различным условиям, а также приобретали разное значение, но не являлись основателями государства, хотя на Руси первые после Кия известные князья имели скандинавские имена. Происхождение хоронима *Русь* Ловмянский относил к Среднему Поднепровью. В IX в. он обозначал также наиболее активный в образовании государства социальный слой, а позднее распространился на всё Древнерусское государство. Скандинавы являлись составной частью его правящего класса. За пределами Руси это название было отнесено к норманнам, но в византийских и латиноязычных источниках X в. термин *росы*, хороним *Россия* и производные от них существительные и прилагательные обозначали норманнов и восточных славян⁵³.

В западной литературе сложилась традиция относить образование Русского государства к варягам-скандинавам. Но существовали в ней также фундаментальные исследования, посвященные изучению «эпохи викингов» (Т. Арне, Х. Арбман, А. Стендер-Петерсен), включая скандинавов в Восточной Европе. Имела место тенденция преуменьшения их значения в работах советских историков 1950–1960-х годов. Вне СССР появились материалистические разыскания о «норманской проблеме» (Г. Ловмянский, Б. Видера). В такой сложной исследовательской ситуации И. П. Шаскольский опубликовал книгу «Норманская теория в современной буржуазной науке». Своим названием она соответствовала требованиям системы партийно-административного управления в стране, но содержанием раскрывала всю сложность изучения данной научной проблемы⁵⁴.

В этой работе И. П. Шаскольский характеризовал норманизм как «преувеличение роли норманнов в различных сторонах жизни Древней Руси, преувеличение, вызванное неправильным истолкованием источников или использованием только некоторых, произвольно избира-

⁵⁰ Шаскольский И. П. Варяги // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. Стб. 990.

⁵¹ *Lowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich.* Warszawa, 1957.

⁵² *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой, вступительная статья В. Т. Пашуто, послесловие Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, комментарий В. Я. Петрухина. М., 1985.

⁵³ *Lowmiański H. Zagadnienie roli normanów...*

⁵⁴ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л. 1965; см. также обстоятельное раскрытие темы: Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии: Сборник статей. Л., 1967. С. 128–176 (Труды ЛОИИ. Вып. 10).

емых свидетельств, а не всей совокупности имеющихся данных». В качестве теоретической основы норманизма и антинорманизма он указал «идеалистические представления о сущности государства и о путях его возникновения» в историографии XVIII – начала XX в. Шаскольский отметил также политическое, антирусское содержание современного норманизма как составной части идеологической борьбы. Антинорманизм после 1917 г. он характеризовал как периферийное направление в эмигрантской и советской исторической литературе, как направление псевдопатриотическое и научно мало обоснованное, хотя и содержавшее критику норманистских теорий⁵⁵. Вместе с тем Шаскольский не стал рассматривать негативное воздействие на западных исследователей позитивистской методологии. В научном анализе оно подразумевало абсолютизацию *части* вместо системного анализа *целого*, субъективизм «реконструкций», влияние на исследователя априорных идей, в частности влияние евразийства на мнение Г. В. Вернадского о *Руси* в Причерноморье и аланском происхождении этого этнонима⁵⁶.

И. П. Шаскольский по необходимости осторожно, чтобы не быть обвиненным в защите «норманизма», подверг критике «некоторые полемические выступления советских археологов» конца 1940-х – начала 1950-х годов. Их недостатками, по его словам, являлись отсутствие в них результатов послевоенных исследований западных археологов и историков, а также, называя всё своими именами, «стремление к огульному отрицанию всяких следов скандинавской материальной культуры на территории Древней Руси, попытку доказать полное или почти полное отсутствие здесь скандинавских археологических памятников IX–XI вв.»⁵⁷.

В этих наблюдениях над советской послевоенной антинорманистской литературой И. П. Шаскольский поддержал выдающегося археолога А. В. Арциховского. В докладе последнего на Римском международном конгрессе 1962 г., в пору хрущевской «оттепели», отмечен значительный вклад шведских археологов, которые изучали скандинавские древности Восточной Европы. Научным следствием такого исследовательского подхода должно было стать обсуждение их конкретного анализа⁵⁸.

Эта характеристика двух крайних противоположных позиций «норманистов» и «антинорманистов» являлась ключевой в системе взглядов И. П. Шаскольского на «норманскую проблему». Ее следовало изучать в контексте исследований становления и развития Древнерусского государства, анализа всех видов исторических источников. Он был за научное изучение места и значения скандинавов в истории Руси. В таком подходе к исследованию «норманской проблемы» он продолжил в новых условиях то направление, которое существовало в отечественной исторической науке с конца XIX в. до конца 1930-х годов. Но сложное положение Шаскольского как историографа «норманской проблемы» заключалось в том, что он был вынужден критиковать посвященные ей работы «буржуазной историографии», используя пока только «антинорманистские» публикации советских археологов 1940-х–1950-х годов. Но сам он в то время уже был далек от полевых археологических исследований.

Это обстоятельство стало очевидно для И. П. Шаскольского после его публичного диспута с Л. С. Клейном 24 декабря 1965 г. на истфаке ЛГУ. Дело в том, что в 1964 г. Клейн организовал Проблемный семинар при кафедре археологии ЛГУ. Его участники, студенты под научным руководством Клейна, начали изучение скандинавских древностей в Восточной Европе. Клейн анализировал также историографию этой проблемы. Изданная монография Шаскольского стала поводом для публичного обсуждения «норманской проблемы» в целом между автором монографии и Клейном в качестве оппонента.

---

⁵⁵ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 5–11, 195–196.

⁵⁶ Там же. С. 23–24, 52–53, 91–92.

⁵⁷ Там же. С. 105–106.

⁵⁸ Artsikhovsky A. Archaeological Data on the Varangian Question // VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences: Reports and Communications by Archeologists of the USSR. Moscow, 1962. P. 3–9.

Если И. П. Шаскольский, что естественно, в обобщенной форме повторил основные положения своей недавно опубликованной книги, то Л. С. Клейн сформулировал основные положения «норманской теории». По его мнению, они заключаются в следующем. 1. Варяги являлись скандинавами. 2. Они – основатели княжеской династии Рюрика и его преемников. 3. Скандинавы привели «целое племя варягов» – Русь, и «это название перешло на восточных славян». 4. Они оказали значительное влияние на восточнославянскую культуру, «ввели государственность». 5. Варяги превосходили славян, «которые неспособны к самостоятельному творчеству». 6. Политическим следствием этой теории стало утверждение господства германцев и повиновение им славян⁵⁹.

При такой характеристике основного содержания «норманской проблемы» оказывалось, что в ней нет существенных расхождений между участниками диспута в изложении ее основного содержания.

Как было отмечено ранее, уже существовала давняя научная традиция, включая труды В. В. Мавродина, на основании всей совокупности критически изученных исторических источников признавать скандинавскую принадлежность Рюрика. Происхождение этнонимов и хоронимов с корнем *рос-*, *рус* – не выяснено доныне, но это не имеет решающего значения, поскольку весь комплекс исторических источников свидетельствует о том, что этнокультурную основу формировавшегося Древнерусского государства составляли восточные славяне, а само оно изначально являлось многоэтническим. Так что для норманизма «остались»: 1) всё то же преувеличение значения варягов-скандинавов в этнокультурном и социально-политическом процессах становления и развития Древнерусского государства; 2) современная политическая функция такого суждения, о чем писал ранее в своей монографии И. П. Шаскольский и говорил на диспуте Л. С. Клейн. Поэтому Клейн отметил, что для изучения «норманской проблемы» особое значение будут иметь дальнейшие исследования процесса становления древнерусского феодального общества и государства, а также археологических источников как основных в анализе всех этих тем⁶⁰.

Диспут 1965 г. показал, что исследовательские позиции И. П. Шаскольского и Л. С. Клейна были в значительной мере близки, но при этом Клейн последовательно настаивал на активном объективном археологическом изучении скандинавских древностей в Восточной Европе. Шаскольский поддержал такой научный подход. Во второй половине 1960-х годов Игорь Павлович являлся ответственным редактором сборника «Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.», который был подготовлен в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ СССР АН СССР, ныне – СПбИИ РАН). В этом качестве он пригласил Клейна опубликовать статью на данную тему. Такого же мнения был и Н. Е. Носов, тогда директор ЛОИИ и второй ответственный редактор этого сборника.

В статье Л. С. Клейна и его учеников Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко был впервые системно обобщен значительный археологический опыт, накопленный при изучении скандинавских древностей Восточной Европы IX–XI вв. Авторы разработали принципы их определения, включая так называемые «гибридные» вещи, и датировку, конкретизировали по периодам скандинавские комплексы на территории Киевской Руси. На всех этих основаниях более определенно, чем у предшественников, был установлен социальный состав таких скандинавов⁶¹.

Это исследование, опубликованное при активной поддержке И. П. Шаскольского, стало началом значительного числа научных публикаций участников Проблемного семинара, многие

⁵⁹ Клейн Л. С. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 121.

⁶⁰ Там же. С. 129–132.

⁶¹ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Л., 1970. С. 226–252.

из которых стали крупными специалистами в изучении славянской и славяно-скандинавской археологии Восточной Европы⁶².

Между тем, И. П. Шаскольский продолжал исследование «норманской проблемы», конкретизируя ранее сделанные наблюдения. Одно из этих направлений – и историографическое. Критически характеризуя в 1970–1980-е годы норманистские теории скандинавской колонизации и завоевания Восточной Европы, он подчеркивал их научное содержание, одновременно указывая на ошибочность интерпретации многих исторических, лингвистических и археологических материалов. Эти проблемы стали предметом научной дискуссии. Определяющее значение в обосновании норманистского понимания становления Древнерусского государства И. П. Шаскольский придавал материалистическому содержанию его причин как следствий экономического и социального развития восточных славян и, как результат этого, – распада племенного и формирования государственного строя восточных славян. Такой научный анализ разъяснял, по его мнению, необоснованность концепций не только норманистов (неонорманистов), но и антинорманистов (неоантинорманистов), которые подчеркивали особое значение в появлении Древнерусского государства варягов – прибалтийских славян⁶³. Впрочем, этнокультурные характеристики антинорманистов могли меняться. В частности, А. Г. Кузьмин считал, что варяги – прибалтийские славяне, позднее он определил их как кельтов⁶⁴, что свидетельствует об ошибочности его первоначального суждения.

Расширяя круг изучаемых вопросов «норманской проблемы», И. П. Шаскольский стал исследовать конкретное содержание эволюции от племени к государству в восточнославянских и скандинавских землях, прежде всего Швеции. В этих трудах он обобщал и развивал опыт предшественников⁶⁵. Новым в разработке темы стал сравнительно-исторический анализ социальных и раннегосударственных структур.

В Швеции эпохи викингов И. П. Шаскольский проследил изменения от патриархально-родового строя к возникновению раннеклассового общества и варварского государства. Для того времени было свойственно деление на знать, свободных вооруженных людей – бондов и патриархальных рабов, появление территориального деления, королевской власти (конунг – к о-роль, его дружина, совет знати) при сохранении народного собрания – тинга. Близкие по социально-политическому содержанию формы становления раннеклассового общества и государства в результате разложения патриархально-родового строя Шаскольский прослеживал в генезисе Древнерусского государства. При этом ученый поддержал наблюдения В. В. Мавродина, в соответствии с которыми образованию государства предшествовали не только межплеменные союзы, но также племенные княжения как предгосударственные образования⁶⁶.

⁶² Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

⁶³ Шаскольский И. П. 1) Resent developments in Normanist controversy // Varangian Problems. Copenhagen, 1970. P. 21–38; 2) Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 152–165; 3) О роли норманнов в Древней Руси в IX–XI вв. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Uppsala 20–22 avril 1979 / Redigés par R. Zeitler. Uppsala, 1981. P. 203–214; 4) Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 35–51 (Проблемы отечественной и всеобщей истории; вып. 7); 5) Норманская проблема в исторической науке 1970-х–80-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 122–124.

⁶⁴ Кузьмин А. Г. 1) «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55; 2) Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83.

⁶⁵ Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. С. 128–141.

⁶⁶ Шаскольский И. П. 1) Проблемы периодизации истории Скандинавских стран // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 354–357; 2) О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969. Киев, 1972. С. 55–66; 3) Возникновение раннеклассового общества и варварского государства (IX–XI вв.) // История Швеции. М., 1974. С. 63–82 (разделы: «Походы викингов и социальные сдвиги в Шведском обществе», «Формирование примитивной государственности и первое объединение шведских земель», «Распространение христианства»); 4) Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год. М., 1987.

И. П. Шаскольский обобщил свои сделанные ранее историографические наблюдения по «норманской проблеме» с XVIII в. до 1980-х годов в значительной по объему статье «“Варяжский вопрос” в зарубежной историографии (1965–1990)». Особое внимание он уделил новейшим разысканиям западных ученых⁶⁷.

И. П. Шаскольский характеризовал антинорманистские работы советских историков конца 1950-х–1980-х годов как «случайные», т. е. редко появляющиеся в научной печати. В трудах 1940-х–1960-х годов западных норманистов с великолепной профессиональной подготовкой он отметил положительные тенденции: стремление значительно углубить аргументацию, создать капитальные произведения, новые концепции по основным проблемам норманской теории (Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, А. Стендер-Петерсен, С. Кросс, К. О. Фальк, А. Калгрэн, Ф. Дворник). По наблюдениям И. П. Шаскольского, во второй половине 1960-х – в первой половине 1970-х годов не было издано крупных норманистских работ. Он объяснил это явление сменой поколений: уходом прежних ведущих норманистов; критикой норманизма российскими и некоторыми западными исследователями, в частности всесторонне изучавшими археологические материалы (К. Р. Шмидт, Х. Сёренсен, А. Стальсберг, П. Сойер), а также Г. Ловмянским.

Отметив неудачи англо-американской историографии второй половины 1960-х – в начале 1970-х годов в изучении «норманской проблемы» (Э. Девидсон, О. Прицак), И. П. Шаскольский высоко оценил профессиональную подготовку при исследовании этой темы в 1970-х–1980-х годах западногерманских исследователей Х. Рюсса и Г. Шрамма.

Он указал, что Х. Рюсс едва ли не впервые в норманистской историографии беспристрастно изложил основное содержание концепции советских исследователей образования Древнерусского (Русского) государства как следствия длительного внутреннего социально-экономического развития «местного общества», тогда как норманны участвовали в этом процессе как наемники русских князей и не оказали на него значительного влияния⁶⁸. Впрочем, написал И. П. Шаскольский, Рюсс считает эту концепцию проявлением национализма.

И. П. Шаскольский изложил 12 основных выводов, которые, по мнению Х. Рюсса, более или менее обоснованы:

1. Поскольку первые киевские князья, которых можно считать историческими, имели скандинавские имена, норманское происхождение династии Рюриковичей не вызывает сомнений.

2. Дружина киевских князей первоначально состояла в основном из скандинавов, как следует из имен послов в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., а также известия Бертинских анналов о послах-шведах государства Рос в Византию в 839 г.

3. Археологические материалы свидетельствуют о принадлежности норманнов к высшему социальному слою Киевской Руси.

4. Во многих иностранных источниках (арабских и, шире, восточных) под Русью подразумеваются норманны.

5. В некоторых византийских (Константин Багрянородный) и восточных источниках ясно прослеживается различие между народом Рос (подразумеваются скандинавы) и подчиненными славянами.

С. 95–99; см.: *Мавродин В. В.* 1) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 100–109; 2) О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 44–55.

⁶⁷ Здесь и далее см.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 322. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–36; *Шаскольский И. П.* «Варяжский вопрос» в зарубежной историографии (1965–1990). Частично материалы этой статьи опубликованы: *Шаскольский И. П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: (Историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 155–160.

⁶⁸ *Rüss H.* Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. S. 267–279.

6. Главные направления норманских походов в Восточную Европу проходили в первой половине IX в. по Западной Двине, Великой и Неве к Волге и среднеазиатским рынкам, во второй половине IX в. – по пути «из варяг в греки»; по этому пути ходили в походы князя от Аскольда и Дира до Ярослава.

7. Археологические материалы свидетельствуют о скандинавах в ключевых пунктах на торговых путях, в местах, важных в стратегическом отношении. Количество скандинавских находок IX в. меньше, чем находок X в., что свидетельствует о качественном изменении славяноскандинавских отношений (грабительские и завоевательные походы в первый период и консолидирующие отношения господства в X в.). По вещевым находкам скандинавский этнический вклад во всех отношениях меньше славянского, балтийского и финского. В скандинавских погребениях, например, в Киеве и Гнездове были захоронены почти исключительно люди высшего социального слоя.

8. Норманны являлись главным образом воинами и купцами, стремившимися к добыче и богатству, захватившими укрепленные поселения, изгнавшими местных князей, подчинившими окрестное население. Но события, изложенные под 862 г., не позволяют их назвать «основанием государства». Рюрик, Синеус и Трувор на севере Руси, Аскольд и Дир на Среднем Днепре, возможно, и другие варяги являлись не более чем властителями локально ограниченных, независимых друг от друга областей.

9. Культурное влияние скандинавов было ограничено высшим слоем и не распространялось вширь и вглубь на окружающий славянский мир. Сравнительная малочисленность варягов имела следствием их быстрое ослабление. В русской топонимике немного заимствований скандинавского происхождения и только в Новгородской и соседних северных землях. Все значительные пункты, где находились скандинавы, носят славянские или финские названия.

10. Варяги чрезвычайно ускорили тот процесс, который привел к формированию огромного государственного образования между Киевом и Новгородом. Своими предприятиями, охватывавшими восточноевропейские пространства, варяги способствовали сближению восточнославянских племен. Господство как таковое при их участии значительно усилилось. Спорадически взимаемые военные контрибуции там, где сложилась государственная организация, стали превращаться в регулярно взимаемую дань. Она давала содержание дружине и поставляла варягам-норманнам товары для торговли. Равномерное установление господства над огромными пространствами Восточной Европы совершалось силами скандинавов.

11. У отдельных восточнославянских племен вследствие угрозы скандинавских пришельцев могло произойти более тесное сближение и развитие собственных форм господства, которые были бы пригодны для того, чтобы противостоять внешнеполитическим притязаниям. Определенные сдвиги в развитии сельского хозяйства могли способствовать дифференциации восточнославянского общества. Рядом со скандинавскими политическими образованиями, в которых очень рано стали участвовать финские, славянские и балтские элементы, возникли местные самостоятельные политические образования без скандинавского слоя. Они долго противостояли властным притязаниям киевских князей.

12. Государства, знать которых состояла из варягов и славян, объединились для защиты от степных кочевников и освобождения от хазарской дани, для постоянного функционирования пути «из варяг в греки». По мере того как развитие вело к формированию внутренней империи (Grossreich), влияние скандинавов уменьшалось. В качестве воинов и дипломатов на службе древнерусских князей, путешествующих купцов они превращались во внутренний фактор истории Киевского государства.

В соответствии с такими выводами Х. Рюсс обобщил: невозможно определить, чье участие в возникновении Киевского государства сыграло более важную роль – славянское или скандинавское. Только признание славяно-скандинавского политического, социального и культурного синтеза сможет вывести норманскую проблему из взаимопротиворечащих «национа-

листических» представлений. Не варяги основали Киевское государство, но и не славяне (с балтами и финнами) без скандинавского влияния путем автохтонного развития. Оба эти элемента в едином, трудно постигаемом процессе совместно основали, распространили и укрепили господство киевских князей.

И. П. Шаскольский характеризовал концепцию Х. Рюсса как положительное явление в историографии «норманской проблемы». Игорь Павлович отметил изменения в норманистских формулировках: отказ от идеи основания Древнерусского государства варягами и формирование его как следствие славяно-скандинавского или скандинаво-славянского синтеза. Всё же в таких представлениях об организующей роли норманских князей и их дружин Шаскольский прослеживал влияние давнего мнения о более высоком уровне развития Скандинавии по сравнению с восточнославянскими землями.

Но и в критических замечаниях И. П. Шаскольского прослеживается действие давних для конца XX в. антинорманистских идей: сомнения в скандинавском происхождении имени Игорь, в Рюрике как основателе династии и достоверности летописной преемственности его потомков, в идентификации *русов* восточных источников и скандинавов.

В той же статье «“Варяжский вопрос” в зарубежной историографии (1965–1990)» И. П. Шаскольский проанализировал содержание статей Г. Шрамма, посвященных вопросам норманской теории. Основное достоинство его работ Шаскольский видел в стремлении углублять научную аргументацию. Тематами этих статей стали: особое значение скандинавов в формировании Русского (Древнерусского) государства и появление восточноевропейских городов на транзитных путях вследствие дальней торговли. По мнению Шрамма, скандинавского происхождения были: названия некоторых городов, термин *варяг* (наемный скандинавский воин), имена Рюрик, Синеус и Трувор, этноним *Русь*. Особые исследования он посвятил локализации «русского каганата» 830-х годов или государства *Рос* в Среднем Поднепровье, а также значению скандинавов в формировании пути «из варяг в греки».

В качестве недостатка историографического раздела работ Г. Шрамма И. П. Шаскольский отметил, что он, как и многие западные ученые, не видит различий между дореволюционными историками-антинорманистами и советскими учеными, которые объясняли возникновение государства результатом внутреннего процесса социально-экономического развития местного общества. Не учитывал он также работы нового поколения отечественных ученых, которые не отрицали участия норманнов в этом процессе и в результате археологических, исторических и филологических исследований сделали выдающийся вклад в накопление фактических материалов по «норманской проблеме». Шаскольский перечислил таких исследователей: А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, И. В. Дубов, Е. Н. Носов, Е. И. Рябинин, Т. А. Пушкина, Е. А. Мельникова, Т. Н. Джаксон. К ним можно добавить Г. В. Глазырину, В. Я. Петрухина, В. А. Булкина, А. В. Назаренко и других.

Признавая большое значение международной торговли и транзитных путей в Восточной Европе в процессе становления Русского (Древнерусского) государства, И. П. Шаскольский обоснованно критиковал Г. Шрамма за его преувеличение роли норманнов в этом процессе, за необоснованность мнения о скандинавском происхождении названий древнерусских городов.

Наряду с этими и другими критическими замечаниями в наблюдениях И. П. Шаскольского в связи с исследованиями Г. Шрамма прослеживаются недостатки давней антинорманистской критики, впрочем, теперь в смягченных формулировках:

произвольность летописца в именовании Трувора братом Рюрика, происхождение топонима *Изборск* от славянского *изба*, возможность славянского происхождения имени *Синеус*. В результате исследования Шрамма Шаскольский признал возможность перехода финского названия Швеции, шведов *Ruotsi* (*Rōtsi) в восточнославянское *Русь*, хотя оговорил его необязательность. Шаскольский обоснованно отметил вслед за многими исследователями фольк-

лорность предания о Рюрике, Синеусе и Труворе, но написал об искусственности превращения двух последних в братьев и о случайности места их поселения.

Наблюдения этой статьи, завершившей более чем 30-летнее историографическое и историческое изучение «норманской проблемы» И. П. Шаскольским, обобщило заключение: «Норманская проблема продолжает существовать в исторической науке. Норманизм жив и продолжает развиваться. Должна продолжаться и наша достаточно аргументированная полемика с норманизмом. И очень важно не голословное отрицание позиций противоположной стороны, а дальнейший всё более углубленный поиск научной истины».

Анализ исследований И. П. Шаскольского, посвященных «норманской проблеме», свидетельствует о конструктивности стремления к объективному материалистическому изучению места и значения скандинавов в становлении и развитии изначально многоэтничного Русского (Древнерусского) государства в IX–XI вв. Отсюда резко отрицательное отношение ученого к двум противоположным крайним исследовательским позициям – норманизму и антинорманизму. Его исследования показали, что агрессивная антироссийская тенденция первого и историческая самоизоляция второго являются следствием воздействия на исследователей внешне научных факторов – о общественно-политических идей. При этом антинорманизм исключал обширный многоэтничный восточноевропейский регион и восточных славян, расселившихся на основных речных путях этого субконтинента, из единого европейского исторического процесса «эпохи викингов» конца VIII – с середины XI в. Меньшее внимание Шаскольский уделил влиянию на них философских теорий. Он показал влияние таких факторов на целенаправленный отбор и интерпретацию исторических источников и на выводы таких историков. Поэтому в новых условиях второй половины 1960-х годов он последовательно поддерживал исследования отечественных археологов, историков и филологов, которые открывали новые возможности для объективного изучения «норманской проблемы». Впрочем, и на эти работы Шаскольского оказывали воздействие те же факторы, которые он стремился преодолеть, отстаивая концепцию единства исторического процесса и органического включения в него России. Эта концепция свойственна всем трудам Шаскольского, посвященным российско-скандинавским отношениям в IX–XVIII вв.

Разыскания И. П. Шаскольского о «норманской проблеме» актуальны и для нашего времени, которому присущ натиск на исторические исследования постмодернизма с его авторским самоутверждением и субъективизмом. Как показали работы Шаскольского, такого рода натиску следует противопоставить системные научные исследования, основанные на критическом изучении всех видов исторических источников. Понятия «норманизм» и «антинорманизм» следует относить только к соответствующим крайним субъективным идеологизированным авторским позициям, что ранее имел в виду также Л. С. Клейн. Американско-украинский востоковед О. Прицак, обращаясь к изучению древней истории Руси, писал о научной несостоятельности «норманизма» и «антинорманизма», предлагая свой собственный исследовательский путь, который, впрочем, оказался неудачным⁶⁹. Дело в том, что характеристика исследования конкретного историка как норманистского или антинорманистского имеет негативную коннотацию. В профессиональной дискуссии следует помнить о том, что его участники являются исследователями, тогда как определяющее значение в ней имеют не мнения, а научные аргументы, о необходимости которых неоднократно писал Шаскольский. На современном уровне развития исторической науки псевдонаучными сочинениями, посвященными «норманской проблеме», занимаются «норманисты» и «антинорманисты», на которых определяющее влияние оказывают общественно-политические идеи и постмодернизм.

---

⁶⁹ Pritzak O. The Origin of Rus'. Cambridge, 1981. Vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 4–7; обстоятельная рецензия на эту книгу: Мельникова Е. А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // История СССР. 1984. № 4. С. 201–209.

Литература

- Авдусин Д. А.* Неонорманистские измышления буржуазных историков // Вопросы истории. 1953. № 12.
- Анисимов Е.* Елизавета Петровна. М., 2005.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. 1–2.
- Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
- Греков Б. Д.* Антинаучные измышления финского «профессора» // Греков Б. Д. Киевская Русь. Б. м., 1953.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. Б. м., 1953.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1.
- Карамзин Н. М.* Сочинения в двух томах / Составление, вступительная статья, комментарии Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1.
- Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Л., 1970.
- Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / Сост. А. А. Зимин, Р. А. Киреева. М., 1983.
- Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой, вступительная статья В. Т. Пашуто, послесловие Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, комментарии В. Я. Петрухина. М., 1985.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой. М., 1985.
- Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 6.
- Мавродин В. В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949.
- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
- Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9.
- Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 10.
- Мельникова Е. А.* Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // История СССР. 1984. № 4.
- Мошин В. А.* Варяго-русский вопрос // Slavia. 1931. Т. 10.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
- Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
- Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993.
- Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.
- Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1.
- Хлевов А. А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. (Проблемы отечественной и всеобщей истории; вып. 7).

Шаскольский И. П. Варяги // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2.

Шаскольский И. П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М., 1987.

Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. ст. Л., 1967. (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР; вып. 10).

Шаскольский И. П. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1.

Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский И. П. О роли норманнов в Древней Руси в IX в. // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avrile 1979 / Redigés par R. Zeitler. Uppsala, 1981.

Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский И. П. Проблемы периодизации истории Скандинавских стран // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8.

Шаскольский И. П. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: (Историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 2.

References

Avdusin D. A. Neonormanistskie izmyshleniya burzhuznykh istorikov // *Voprosy istorii*. 1953. № 12.

Anisimov E. Elizaveta Petrovna. M., 2005.

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. M., 2008. Т. 1–2.

Gorskaya N. A. Boris Dmitrievich Grekov. M., 1999.

Grekov B. D. Antinauchnye izmyshleniya finskogo “professora” // *Grekov B. D. Kievskaya Rus’*. В. м., 1953.

Grekov B. D. *Kievskaya Rus’*. В. м., 1953.

Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka: Opyt celostnogo analiza. M., 2001.

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. SPb., 1816. Т. 1.

Karamzin N. M. Sochineniya v dvuh tomah / Sostavlenie, vstupitel’naya stat’ya, kommentarii G. P. Makogonenko. L., 1984. Т. 1.

Klejn L. S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon. SPb., 2009.

Klejn L. S., Lebedev G. S., Nazarenko V. A. Normanskije drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom ehtape arheologicheskogo izucheniya // *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XIX vv.* / Pod red. N. E. Nosova i I.P. SHaskol’skogo. L., 1970.

Klyuchevskij V. O. Neopublikovannye proizvedeniya / Sost. A. A. Zimin, R. A. Kireeva. M., 1983.

Klyuchevskij V. O. Sochineniya: V 8 t. M., 1956. Т. 1: Kurs russkoj istorii. CH. 1.

Lovmyan’skij H. Rus’ i normanny / Perevod M. E. Bychkovoj, vstupitel’naya stat’ya V. T. Pashuto, posleslovie E. A. Mel’nikovoj i V.YA. Petruhina, kommentarii V.YA. Petruhina. M., 1985.

- Lovmyan'skij H.* Rus' i normanny / Perevod M. E. Bychkovoj. M., 1985.
- Lomonosov M. V.* Polnoe sobranie sochinenij. M., 1952. T. 6.
- Mavrodin V. V.* Bor'ba s normanizmom v russkoj istoricheskoj nauke. L., 1949.
- Mavrodin V. V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti. M., 1971.
- Mavrodin V. V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. L., 1945.
- Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1897. T. 9.
- Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1900. T. 10.
- Mel'nikova E. A.* Istorizaciya mifa ili mifologizaciya istorii? Po povodu knigi O. Pricaka "Proiskhozhdenie Rusi" // Istoriya SSSR. 1984. № 4.
- Moshin V. A.* Varyago-russkij vopros // Slavia. 1931. T. 10.
- Pavlov-Sil'vanskij N. P.* Feodalizm v udel'noj Rusi. SPb., 1910.
- Pekarskij P.* Istoriya imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge. SPb., 1870. T. 1.
- Pokrovskij M. N.* Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke. M., 1933.
- Presnyakov A. E.* Knyazhoe pravo v Drevnej Rusi. Oчерki po is-torii X–XII stoletij. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' / Podgotovka teksta, stat'i i primechaniya M. B. Sverdlova. M., 1993.
- Sverdlov M. B. M. V.* Lomonosov i stanovlenie istoricheskoj nauki v Rossii. SPb., 2011.
- Sverdlov M. B.* Obshchestvennyj stroj Drevnej Rusi v russkoj istoricheskoj nauke XVIII–XX vekov. SPb., 1996.
- Solov'ev S. M.* Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. M., 1851. T. 1.
- Hlevov A. A.* Normanskaya problema v otechestvennoj istoricheskoj nauke. SPb., 1997.
- SHaskol'skij I. P.* Antinormanizm i ego sud'by // Genezis i razvitie feodalizma v Rossii: Problemy istoriografii. L., 1983. (Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii; vyp. 7).
- SHaskol'skij I. P.* Varyagi // Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. M., 1962. T. 2.
- SHaskol'skij I. P.* Vozniknovenie gosudarstva na Rusi i v Skandinavii (cherty skhodstva) // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1985 god. M., 1987.
- SHaskol'skij I. P.* Vopros o proiskhozhdenii imeni Rus' v sovremennoj burzhuaznoj nauke // Kritika novejshej burzhuaznoj istoriografii: Sb. st. L., 1967. (Trudy Leningradskogo otdeleniya instituta istorii AN SSSR; vyp. 10).
- SHaskol'skij I. P.* Normanskaya problema v sovetskoj istoriografii // Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi. L., 1978.
- SHaskol'skij I. P.* Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii // Istoriya SSSR. 1960. № 1.
- SHaskol'skij I. P.* Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke. M.; L., 1965.
- SHaskol'skij I. P.* O roli normannov v Drevnej Rusi v IX–XI vv. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20– 22 avrile 1979 / Redigés par R. Zeitler. Uppsal, 1981.
- SHaskol'skij I. P.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva // Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi. L., 1978.
- SHaskol'skij I. P.* Problemy periodizacii istorii Skandinavskih stran // Skandinavskij sbornik. Tallin, 1964. Vyp. 8.
- SHaskol'skij I. P.* Russko-skandinavskie otnosheniya rannego srednevekov'ya v rabotah G. SHramma: (Istoriograficheskij obzor) // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 2.

Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников)

Е. В. Анисимов

Из трех стоявших рядом на полке книжного магазина учебников отечественной истории для средней школы я выписал цитаты с предполагаемой речью Петра I, произнесенной им на Полтавском поле 27 июня 1709 г. И вот что получилось. В учебнике А. Ф. Киселева и В. П. Попова сказано: «Ведало бы российское воинство, что пришел час, который решит судьбу отечества. Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский»⁷⁰. В другом учебнике читаем: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны бы вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего»⁷¹.

Еще один учебник сообщает: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество»⁷².

Сопоставление лишь трех этих учебников показывает очевидные расхождения. Они заставляют задуматься об источниках, которыми пользовались авторы. Казалось бы, проще всего взять авторитетное в научных кругах издание – «Письма и бумаги Петра Великого», да и процитировать соответствующий опубликованный там за 1709 г. документ, названный публикаторами «приказом»:

«3251. Июня 27. –

Приказ перед Полтавской битвой

Ведало бы российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает. Ниже бы их смущала слава неприятеля яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам бог и правда воует с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею сильный в бранех господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только б жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»⁷³.

В публикации П и Б содержится ссылка на произведение Феофана (Прокоповича) «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно», опубликованное в 1773 г., а вто-

---

⁷⁰ Киселев А. Ф., Попов В. П. История России XVII–XVIII века. М., 2013. С. 112.

⁷¹ Баранов П. А. и др. История России: 7 класс. М., 2013. С. 137.

⁷² Данилов А. Л., Косулина Л. Г. История России. Конец XVI – X VIII век: 7 класс. М., 2015. С. 121.

⁷³ Письма и бумаги Петра Великого (далее – П и Б). М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 226.

рым изданием – в 1788 г., т. е. много лет спустя после смерти в 1736 г. этого видного духовного деятеля петровской поры. Именно из «Истории» Феофана был взят публикаторами П и Б «приказ» Петра.

У Феофана сказано: «Объезжал конных и пеших своих Петр царь, ово строи военных осматривая, ово же утверждая воинство присущием и самага себя к тем же трудам готовостию, купно же и ревностными словами зажигая храбрость их. Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их, или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает; ниже бы их смущала слава неприятеля яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощь свою сильный в бранех Господь на того единого смотрели бы, а о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние. Таковыми и сим подобными словесы когда возбуждал оных государь, все бодрый на себе вид являя веселым лицом, многие же и голосом готовых и охотных себя быти показовали, и многий вопль был, где ни появился государь, просящих онаго и увещающих, дабы шадил в себе надежды Российския, естли ему смерть его не страшна, помышлял бы, что одна тая всему воинству, всему Отечеству страшна есть»⁷⁴.

Из сопоставления текстов в П и Б и «Истории» следует, что издатели «Писем и бумаг Петра Великого» препарировали текст сочинения Феофана, выделив из него некий отрывок, разбив сложные предложения в нем на отдельные предложения и назвав всё это «Приказом перед Полтавской битвой». Даже с точки зрения уже существовавших в 1950 г. (время издания 9-го тома П и Б) правил публикации исторических документов подобные манипуляции публикаторов с источником представляются некорректными. В комментарии публикаторы признают, что известные им источники «ничего не говорят о письменном приказе, но не оставляют сомнения в том, что устные обращения Петра I к солдатам и командному составу перед Полтавским боем действительно имели место. Таким образом, текст Феофана Прокоповича нельзя признать письменным приказом Петра, едва ли существовавшим. Но возможно, что Прокопович передает главные мысли Петра, высказанные в отдельных обращениях во время смотра войск»⁷⁵. Действительно, обойти вниманием весьма выразительное примечание Феофана после цитируемого текста «речи-приказа» («<...> Таковыми и сим подобными словесы когда возбуждал оных государь <...>») невозможно. Из него следует, что сам Феофан признаёт приблизительность изложения речи Петра и не настаивает, что он цитирует лежавший перед его глазами документ. Это обстоятельство ставит под сомнение решение публикаторов включить в корпус подлинных документов Петра данный «документ» – в сущности, цитату из сочинения Феофана Прокоповича. Этим создается некий прецедент, позволяющий (с добавлением слова «возможно» и сопроводительной фразой, что некий отрывок «передает главные мысли Петра») таким же образом создавать «документы» из безбрежного моря «анекдотов» о Петре Великом, например из «Анекдотов» Я. Я. Штелина, А. К. Нартова и др.

Возможно, что в силу отмеченных выше обстоятельств и несмотря на высокий авторитет издания «Писем и бумаг Петра Великого» включенный в них «Приказ» для других авторов не стал классическим и единственным вариантом знаменитой речи Петра перед Полтавским сражением. Например, в 1989 г., т. е. 39 лет спустя после публикации «Приказа» в «Письмах и бумагах Петра Великого», военные историки во главе с полковником И. И. Ростуновым издали

---

⁷⁴ Феофан Прокопович. История императора Петра Великого. Изд. 1-е. СПб., 1773. С. 2–3; Изд. 2-е. М., 1788. С. 249–250.

⁷⁵ П и Б. М.; Л., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 983.

«Историю Северной войны. 1700–1721 гг.», в которой воспроизведена речь Петра и в сноске дали ссылку на упомянутый выше документ № 3251 из 9-го тома П и Б⁷⁶. Но интересно то, что текст «Приказа» дан авторами другой, не тот, который помещен в П и Б. № 3251! Вот он: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество... (отточие авторов “Истории Северной войны”. – Е. А.). Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами победами своими над ним неоднократно доказывали... (отточие авторов “Истории Северной войны”. – Е. А.). А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия во блаженстве и в славе для благосостояния вашего!»⁷⁷

Оказывается, авторы «Истории Северной войны» воспроизвели «Приказ» не по документу № 3251 из П и Б, а по упомянутой в комментарии к нему книге военного историка Д. П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии», вышедшей в свет еще при императоре Александре I, в 1821 г. При этом военные историки препарируют и текст Д. П. Бутурлина, выбросив фразу, которая шла после слова «врученное», а именно: «...за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь». После слов «...неоднократно доказывали» (правильно по Бутурлину: доказали. – Е. А.) ими выброшена фраза: «Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас»⁷⁸.

А откуда появился этот текст у Д. П. Бутурлина? Явно, что он не списывал его из сочинения Феофана. Оказывается, Бутурлин взял «речь» Петра из сочинения известного петроведа XVIII в. И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» и при этом отредактировал ее по своему усмотрению.

В своем многотомном сочинении И. И. Голиков, подробно изложив события под Полтавой в третьей части первого издания «Деяний», самоё речь не привел, а написал, что «великий монарх устроая, объехал всю армию, поощряя солдат, офицеров и генералов краткими, но сильными словами довершить над кичливым, но уже полупобежденным неприятелем победу, повел армию свою на неприятеля»⁷⁹. В 1795 г., издав 15-й том Дополнения к «Деяниям Петра Великого...», Голиков снова возвращается к речи Петра и дает несколько ее вариантов. В одном месте он пишет: «По сем, проезжая строй полков своих, говорил солдатам, с видом надежды исполненным: “Товарищи! Завтра иметь мы будем славу при помощи Божией окончать войну победою неприятеля в половину уже и так вами побежденного”»⁸⁰. Как видим, в этой речи есть некоторое сходство с речью, приведенной Голиковым в 3-м томе «Деяний...». Источник информации Голикова касательно этих речей нам неизвестен. Зато известно, что он читал рукописное сочинение П. Н. Крекшина («Журнал великославных дел великого государя императора первого Петра Великого»), которое ему передал сам Крекшин, и взял из сочинения несколько больших кусков, как раз тех, в которых Петр произносит не одну, а целых три речи. Согласно Крекшину, Петр, собрав специально для этого офицеров гвардии, сказал им: «“Самовидцы вы, колико дерзкие неприятели храмов Божиих православнаго нашего закона в конские обратили стойла, колико осквернили олтарей, попирая ногами святыню, на которую и зрети не достойны, ругаясь образам Святых и посмеиваяся истинной нашей вере. Вам известно, что кичливый и презорливый король их войску своему расписал уже в Москве квар-

⁷⁶ История Северной войны 1700–1721 гг. / Отв. ред. И. И. Ростунов. М., 1987. С. 85; П и Б. Т. 9. Вып. 1. С. 226–227.

⁷⁷ История Северной войны. С. 85.

⁷⁸ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1821. Т. 3. Ч. 1. С. 5.

⁷⁹ Голиков И. И. 1) Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. III. С. 108; 2) Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. СПб., 1838. Изд. 2-е. Т. 4. С. 77.

⁸⁰ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее полное описание славной Полтавской победы и предшествовавшие измены Мазепы. М., 1795. Т. XV. С. 333.

тиры, генерала своего Шпарра пожаловал генерал-губернатором Московским и любезное наше отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую свою веру, совсем истребить. Оставим ли таковыя ругательства и презрение наше без отмщения? Да не будет!»». И вознося глас, продолжал: «С нами бог есть и будет. Сим щитом веры угасим силу огненную, притупим острие противных, возможем и будем крепки во брани, обратим в бегство полки еретические, заградим уста львов северных и челюсти их, зияющие на нас, разторгнем, весте бо, яко вся возможна суть верующим». В заключении речи сея монарх просил (говорит предавший нам сие г. Крекшин) о добром подвиге и подтвердил приказ свой, данный пред Левенгоуптскою баталиею, то есть, что кто на бою уступит место неприятелю, тот почтется за нечестиваго и исключится из числа добрых людей, а кто обратит хребет, те почтутся наравне с неприятелями».

Речь же Петра перед дивизией Л. Н. Алларта была, по П. Н. Крекшину, если так можно сказать, «тематической», посвященной осуждению измены гетмана И. С. Мазепы: «Король Карл и самозванец Лещинский привлекли к воле своей изменника Мазепу и клятвенно утвердились, отторгнув Малую Россию, учинить из оныя независимое княжество под властью того изменника, присоединив к оному Волынь и подчиня ему же козаков запорожских, донских и прочих. Такою льстяся, изменник уповал собрать войска козацкаго до дву сот тысяч, подкупил Порту, Крымскаго хана и Орды на нас, и для исполнения сего зломышления призвал в Малороссию короля Шведскаго со всеми его силами и Лещинскаго, поспешавшаго уже в соединение с ним же с двадцатью пятью тысячами польских войск, но помощью божиею козацкие и малороссийские народы вразумлены остались нам верными, шведскаго войска чрез разныя победы и лютость прошедшей зимы истребилось до половины; Лещинскаго побиты и разогнаны; султан мир подтвердил и от помощных войск им отказал; хану и ордам строгими указами соединяться с ними воспретил, и ныне неприятельскаго войска против нас осталось только тридцать четыре полка и те не полные, изнуренные и оробевшие. Остается над сими оставшими довершить вам победу. Порадейте ж, товарищи! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют»⁸¹. В том же томе «Дополнений к Деяниям...» он поместил еще одну речь Петра, взятую уже из упомянутой выше «Истории Петра Великого...» Феофана Прокоповича, но при этом отредактировал текст по-своему⁸². Это легко установить, сопоставив приведенный выше отрывок из «Истории Петра Великого...» Феофана с результатами редакторской работы И. И. Голикова, а потом Д. П. Бутурлина (табл. 1).

Таблица 1

---

⁸¹ Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... Т. XV. С. 333–337.

⁸² Там же. С. 353–354.

<p>Феофан Прокопович: «Объезжал конных и пеших своих Петр царь, ово строи военных осматривая, ово же утверждая воинство присутием и самого себя к тем же трудам готовности, купно же и ревностными словами зажигая храбрость их. <...> Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися России, и не помышляли бы вооруженных</p>	<p>И.И. Голиков: «Таким образом Великий государь, построя армию свою и встав посреди фрунта оныя, обратился к оному лицом и, имея обнаженную шпагу, произнес с видом безстрашия, спокойствия и надежды исполненным, следующую речь. “Воины! Се пришел час, которой решить должен судьбу отечества, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную</p>	<p>Д.П. Бутурлин: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас.</p>
---	--	---

<p>и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает, ниже бы их смущала слава неприятеля яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею сильный в бранех Господь на того единаго смотрели бы, а о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние».</p>	<p>нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко бы непобедимаго, которого ложну быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающаго по вас, на того единаго всеильнаго во бранех уповайте; а о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ея!»»</p>	<p>А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия во блаженстве и в славе для благосостояния вашего!»»</p>
--	--	---

После процитированного в таблице отрывка И. И. Голиков писал: «Таковыми и сим подобными словами (говорит архиепископ Феофан), когда возбуждал воинов своих Государь, сии бодрый на себе вид являя веселым лицом, многие же и голосом готовых и охотных себя быти показывали, и многий вопль был повсюду где не появлялся Государь, просящий онаго и

увещающий, дабы шадил в себе надежды Российския, и если ему смерть его не страшна, то ведал бы, что она страшна есть всему воинству его и всему отечеству». При этом Голиков обещает читателю посвятить событиям на Полтавском поле отдельный том, что и делает в изданном в 1790 г. «Дополнении к Деяниям...», а затем включает «речь» в скорректированном Феофановом варианте в новое (подготовленное, но опубликованное уже в 1801 г., после смерти автора) второе издание «Деяний...»⁸³. Д. П. Бутурлин, как видно из таблицы, еще больше, чем И. И. Голиков, «усовершенствовал», осовременил текст Голикова и дал по-военному строгий заголовок: «Приказ, отданный Его величеством Петром 1-м воинству своему в день Полтавского сражения июня 27 дня 1709 года»⁸⁴.

Редактирование этого источника превратилось в некий обычай для каждого историка, писавшего о Полтаве. Так, военный историк Д. П. Богданович в книге «Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова» внес свою правку в текст «приказа-речи» (взяв редакцию Д. П. Бутурлина), причем значительно исказил ее (см. выделенное мной): «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, **не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться** за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также **приводить в смущение слава непобедимости неприятеля**, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении **перед собою** правду и Бога, **защитника вашего**, а о Петре **знайте**, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия во блаженстве и в славе для **благосостояния** вашего!»⁸⁵ Нечто подобное проделал уже с редакцией Бутурлина и историк А. П. Карцов в 1851 г.⁸⁶, как и множество других авторов вплоть до авторов учебников, с чего я начал эту статью. Думаю, что к редакции И. И. Голикова – Д. П. Бутурлина восходит и текст «речи» Петра, выбитый в 1909 г. в мраморе на стене Сампсониевской церкви на Полтавском поле накануне празднования 200-летия Полтавского сражения. Этот текст перекликается с текстом с «Истории» Феофана: «Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас, на Того Единого яко всеильного в бранех уповайте. А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия во блаженстве и славе для благосостояния вашего. Слова Петра Великого, сказанные войскам перед Полтавским боем».

Но и на этом «приключения» петровской речи не кончаются. Историк Н. Л. Юнаков подготовил свой труд к 200-летию юбилею Полтавской победы в 1909 г. Он ознакомился со всей изложенной выше историей текста предполагаемой речи-приказа Петра и отметил, что в «Истории» Феофана «приказ» является, по существу, речью царя, изложенной «не в подлинных выражениях Государя, а своими (Феофана. – Е. А.) словами, из чего следует, что приказ, помещенный почтенным И. И. Голиковым, представляет собственное произведение этого писателя, а потому не имеет никакой ценности для историка»⁸⁷. Но при описании торжественного момента накануне Полтавской битвы Юнаков, тем не менее, без оговорок приводит эту же речь, предварив ее почти поэтическими словами: «Широким крестом осеняли себя русские воины, внимая этим бессмертным словам своего венценосного Вождя, и каждый из них шептал про себя клятву пожертвовать жизнью за веру, царя и отечество»⁸⁸. При этом он сослался

⁸³ Голиков И. И. 1) Дополнения к Деяниям Петра Великого... Т. XV. С. 353–354; 2) Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2. М., 1839. Т. XI. С. 215.

⁸⁴ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Т. 3. Ч. 1. С. 52.

⁸⁵ Богданович М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846. С. 76.

⁸⁶ Карцов А. П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851. С. 111.

⁸⁷ Юнаков Н. Л. Северная война: Кампания 1708–1709 гг. // Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV. С. 77.

⁸⁸ Юнаков Н. Л. Северная война... С. 76.

на еще одного историка – И. Ф. Павловского, автора книги 1909 г. о Полтавском сражении⁸⁹, который, в свою очередь, приводя речь Петра, сослался на небольшую заметку, помещенную в «Русском архиве» за 1871 г. Это были воспоминания А. И. Казначеева, служившего в первой четверти XIX в. при военно-походной типографии. Описывая подготовку к дальнему походу в 1821 г., мемуарист вспоминает, что по приказу генерала А. П. Ермолова было решено испытать типографию в деле, прямо на плацу. Начальнику типографии Быкову было поручено «выбрать из архива бывшей Военной коллегии два или три документа старого времени позамечательнее. Быков выбрал письмо Суворова и приказ Петра Великого пред Полтавскою битвою». Приказ якобы сразу напечатали тиражом 200 экземпляров. Один из экземпляров Казначеев случайно обнаружил в 1859 г. в своем семейном архиве и решил послать его в «Русский архив» П. И. Бартеневу, который и опубликовал «Приказ...» в своем журнале в 1871 г.⁹⁰ На основании этой заметки Юнаков вслед за Павловским сделал вывод: то, что называют приказом – есть словесное обращение Петра к воинам. Он предположил, что «обращение это было впоследствии (после сражения) быть может, по приказанию царя, а вернее – по инициативе его ближайших сподвижников – записано и передано на хранение в архив, причем в начале 19-го века документ этот, несомненно, находился в архиве бывшей Военной коллегии». По мнению Юнакова, «наиболее правдоподобным вариантом приказа является тот, который находился в архиве бывшей Военной коллегии и был извлечен оттуда в начале XIX века Д. П. Бутурлиным и А. И. Казначеевым»⁹¹. Появление имени Бутурлина, отредактировавшего, как мы выше видели, текст И. И. Голикова, понадобилось Юнакову, чтобы связать концы с концами, ибо приведенный текст речи-приказа, якобы найденного в «бывшем архиве Военной коллегии» и якобы напечатанного в военно-полевой типографии Ермолова, **дословно** совпадает с текстом-редакцией Бутурлина, который происходит не из некоего «бывшего архива», а из сочинения Голикова⁹².

Следовательно, мы попадаем в какой-то замкнутый круг, прямо скажем, вольных интерпретаций текста, изначально восходящего к сочинению Феофана Прокоповича, который сам речь Петра воспроизводил, согласно его собственному признанию, весьма приблизительно. После всего вышесказанного уместно вообще поставить вопрос, была ли такая речь Петром в действительности когда-либо произнесена. П. К. Гудим-Левкович полагал, что «Приказ...» был сочинен Феофаном, и вообще приказы в начале XVIII в. перед войсками не отдавались, типографий при штабах не было, солдаты считались механической силой, главнокомандующие к ним не обращались. Фридрих Великий свои наставления давал только генералам. Впервые приказы, оглашаемые перед войсками, ввел Бонапарт в 1796 г. С этой крайней точкой зрения можно бы согласиться, но нельзя отвергать предположение, что Петр все-таки произносил какие-то слова перед собранными на совет генералами и старшими офицерами, которым приказал, согласно П. Н. Крекшину, «чтоб они увещевали обер-офицеров, и урядников, и рядовых к доброму отпору против неприятеля»⁹³. Так что полностью отбрасывать возможность существования речи-приказа перед битвой не следует, хотя можно спорить о ее содержании, месте произнесения и об адресатах этого обращения.

Помимо редакций Феофана–Голикова–Бутурлина существуют иные варианты речей Петра накануне Полтавского сражения. Об этом уже сказано выше: И. И. Голиков взял их из труда П. Н. Крекшина, неопубликованного донныне сочинения под названием «Журнал великославных дел великого государя императора первого Петра Великого, самодержца Всероссийского, содержащей в себе лето от первого дни Адама 7217 по Рождестве Иисус Христе

⁸⁹ Павловский И. Ф. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники: Репринтное издание. Харьков, 2009. С. 42.

⁹⁰ Казначеев А. И. Выписка из моих воспоминаний // Русский архив. 1871. Т. 1. Стб. 183–186.

⁹¹ Юнаков Н. Л. Северная война... С. 79.

⁹² Ср.: Там же; Павловский И. Ф. Битва под Полтавой... С. 42; Казначеев А. И. Выписка из моих воспоминаний. Стб. 183–186.

⁹³ РНБ ОР. Собрание М. П. Погодина. Д. 1732. Л. 41 об.; Юнаков Н. Л. Северная война... С. 276.

1709, собранные новгородским дворянином Петром Никифоровичем сыном Крекшиным в царствующем граде Санктпетербурге в лето спасительного воплощения 1753 <...>⁹⁴. Затем речи появились в его же «Дневнике военных действий Полтавской битвы», сочиненном на основе «Журнала...» и опубликованном вначале И. Ф. Павловским, а затем Н. Л. Юнаковым⁹⁵.

Известно, что как историк П. Н. Крекшин в научных кругах не пользуется доверием из-за его склонности присочинять к весьма достоверным фактам, взятым им из весьма надежных источников, нечто от себя. Склонность Крекшина-историка к художественному сочинительству видна из сопоставления текстов рукописи «Журнала» и «Дневника», а также приведенных выше отрывков из сочинения Крекшина, взятых И. И. Голиковым. Добавления в «Дневнике» выделены курсивом, а выброшенные Крекшиным в ходе создания «Дневника» отрывки «Журнала» отмечены квадратными скобками.

Таблица 2

Цитаты из П. Н. Крекшина у И. И. Голикова	«Журнал» и «Дневник» П. Н. Крекшина
Речь Петра перед гвардией: «Самовидцы вы, колико дерзкие неприятели храмов Божиих православнаго нашего закона в конские обратили	Речь Петра перед гвардией: «Самовидцы вы, коликие храмы Божии неприятели наши в стоила конские обратили, олтари осквернили, Святыню,

⁹⁴ РНБ ОР. Собрание М. П. Погодина. Д. 1732. Л. 41–44.

⁹⁵ Павловский И. Ф. Битва под Полтавой... С. XVIII–XIX.

стойла, колико осквернили олтарей, попирая ногами святыню, на которую и зрети не достойны, ругаясь образам Святым и посмеиваяся истинной нашей вере. Вам известно, что кичливый и презорливый король их войску своему расписал уже в Москве квартиры, генерала своего Шпарра пожаловал генерал-губернатором Московским и любезное наше отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую свою веру, совсем истребить. Оставим ли таковыя ругательства и презрение наше без отмщения? Да не будет!” И вознося глас, продолжал: “С нами Бог есть и будет. Сим щитом веры угасим силу огненную, приступим острие противных, возможем и будем крепки во брани, обратим в бегство полки еретические, заградим уста львов северных и челюсти их зияющия на нас разторгнем, весте бо, яко вся возможна суть верующим”. В заключении речи сея монарх просил (говорит предавший нам сие г. Крекшин) о добром подвиге и подтвердил приказ свой, данный пред Левенгоуптскою

на которую и зрети не достойны, зверские ноги попирают, образам Святым ругаются, посмеиваются истинной нашей вере и закону; не могу более терпеть толикаго унижения Святой веры, но желаю паче [умереть, нежели сицевое зло видеть и увещаю] *смерти, нежели сицевое зло видеть, прошу вас, прехрабрые мои воины, мужайтесь, яко добрые и христоролюбивые воины знает, что Господь крепок во брани и праведное оружие сильною своею мышцею подкрепляет, помощник вам и несть будет, но видя меня купно с вами на раны и на смерть готова, дерзайте за истинную веру, матерь-церковь и любезное отечество, и за жизнь вашу, други мои. Отечество, за которое ныне кровь проливать и полагать наши души готовимся, дано мне от Бога на сохранение, а не для расхищения противным; того ради совершайте Богоугодной сей подвиг, в котором вам предки наши благочестивыя князи Российские Владимир, Борис и Глеб и Александр и прочие святые своими молитвами помощники будут”. Таковое увещание повелел чинить и во всех*

баталией, то есть, что кто на бою уступит место неприятелю, тот почтется за нечестиваго и изключится из числа добрых людей, а кто обратит хребет, те почтутся наравне с неприятелями».

ротах. Когда изволил приехать в дивизию генерал-лейтенанта князя Голицына, то, призвав такожде штаб — и обер-офицеров, изволил говорить и увещать и иметь упование на Бога и веру, яко с нами есть и будет, то сим щитом веры имате угасить силу огненную и приступать острие противных оружия возможите от немощи, будете крепки во брани и обратите в бегство полки чуждых, заградите уста северных львов и челюсти их, на нас отверзтыя, расторгнете. Весте бо, яко верующему вся возможна. Потом изволил просить о добром подвиге, каков подлежит явить добрым и благочестивым воинам за благочестие и веру за мать церковь и за целость Отечества”. Сверх того упоминал о киченьи неприятелском, что уже в Москве и квартиры росписал, и генерал маэора Шпара в Москву пожаловал генерал-губернатором, и государство похваляется разделить на малыя княжества; наконец, подтвердил свой приказ бывшей при Левенгоубской баталии, которые на бою уступят место неприятелю почтутся

Речь перед дивизией Л. Н. Алларта: «Король Карл и самозванец Лещинский привлекли к воле своей изменника Мазепу и клятвенно утвердились, отторгнув Малую Россию, учинить из оной независимое княжество под властью того изменника, присоединив к оному Волынь и подчиня ему же козаков запорожских, донских и прочих. Такою льстяся, изменник уповал собрать войска козацкаго до двусот тысяч, подкупил Порту, Крымскаго хана и Орды на нас и для исполнения сего зломышления призвал в Малороссию короля Шведскаго со всеми его силами и Лещинскаго, поспешавшаго уже в соединение с ним же с двадцатью пятью тысячами польских войск, но помощью божиею козацкие и малороссийские народы

за нечестных и в числе добрых людей счисляемы не будут и таковых в компании не принимать и гнушаться их браку”. *Оной приказ повелел объявить при пороле в полках и просил штаб-офицеров, чтобы увещавали обер- и ундер- и солдат к доброму отпору неприятеля».*

Речь перед дивизией Л. Н. Алларта: «Король Карл и самозванец Лещинский привлекли к воле своей *вора* изменника *второго Иуду*, гетмана Мазепу, которые клятвами обязались между собою отторгнуть от России народы малороссийские и учинить княжество особое под властью его, *вора*, изменника Мазепы, *в котором ему быть великим князем* и иметь у себя во владении казаков и иметь у себя во владении казаков донских, запорожских, и волынь и все роды казацкие, которые на се стороне Волги; таковою тщетною надеждою льстясь, сей *вор*, изменник уповал в помощь оным *обещателям своим* собрать малороссийскаго и козацкаго войска до двусот тысяч и сверх того просил у султана турецкаго в помощь

вразумлены остались нам верными, шведскаго войска чрез разныя победы и лютость прошедшей зимы изстребилось до половины; Лещинскаго побиты и разогнаны; султан мир подтвердил и от помощных войск им отказал; хану и ордам строгими указами соединяться с ними воспретил, и ныне неприятельскаго войска против нас осталось только тридцать четыре полка и те не полные, изнуренные и оробевшие. Остается над сими оставшими довершить вам победу, порадейте ж, товарищи! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют».

дву сот тысяч, обещая платить ему повсягодно по миллиону монеты. Такожде просил о помощи хана крымскаго и Буджацкую орду, обещая знатную сумму денег и равномерным числом помочи служить для исполнения сего зломышленного дела призвал шведскаго короля с пятьюдесятью *тысячами* и Лещинскаго с двадцатью пятью тысячами в Малороссию, но помочию Божию казацкие народы и малороссийские, противные нам, смиренны и в верности при нас состоят. Войско короля шведскаго чрез баталии и партии и чрез лютоости мороза прошедшей зимы умалилось до шестнацати тысяч, Лещинскаго войско разбито и разогнано, султан от помощи отказал и крепкими указами крымскому хану и ордам и Буджацкой орде подтвердил о недаче помочи *изменнику Мазепе и Лещинскому и о содержании мира с нами ненарушимо, и так* ныне шведскаго войска при короле Карле токмо тридцать четыре полка, но и те весма от войск наших утружденные. Прошу добраго вашего подвига, дабы неприятель не исполнил

	воли своей и не отторгнул от толь великознатного мало-российскаго народа от Державы нашей, что может быть началом всех наших неблагополучий; потом просил о добром отпоре неприятелю <i>штаб-офицеров, чтоб они увещавали обер-офицеров, и урядников, и рядовых к доброму отпору против неприятеля</i> » ²⁷ .
--	--

²⁷ РНБ ОР. Собрание М.П. Погодина. Д. 1732. Л. 41 об; Юнаков Н. Л. Северная война... С. 276.

Из табл. 2 видно, как «совершенствовались» под пером П. Н. Крекшина «речи» Петра. Они выразительно свидетельствуют о манере Крекшина «улучшать» и «развивать» мысли, которые он приписывает Петру при создании текста «Дневника».

Следует признать, что, конечно, даже беглый взгляд на труды П. Н. Крекшина подтверждает обоснованность критического подхода к ним. Так, в «Дневнике пребывания царя в Воронеже» он приводит сведения, которых не было и быть не могло: он пишет, что Петр предписал подготовить к походу против Турции 61 корабль, 200 галер, 57 полков, а также 20 тысяч казаков⁹⁶. Ни такого числа судов, ни такого числа полков в Приазовье, и вообще в России того времени не было. Вместе с тем невозможно игнорировать то обстоятельство, что в основе «Дневников» Крекшина лежат источники невыдуманные и порой даже проверяемые, которые автор препарирует в традициях исторической повести XVII в.⁹⁷ и излагает в жанре популярного тогда «журнала» – официального дневника, хотя в ряде мест видно, что «Дневник пребывания царя» составлялся, возможно, после 1721 г. (в некоторых местах Петр назван «императором») и в него внесены данные, которые не могли быть получены при составлении реального дневника в 1709 г. «Дневник военных действий» (в литературе вопроса он называется по-разному: «Архивный материал, хранящийся в архиве Императорской Академии наук», «Меншиковский архив», но чаще «Дневник военных действий Полтавской битвы»⁹⁸), широко использовали (вслед за И. И. Голиковым) Н. Г. Устрялов и Н. Л. Юнаков. Последний полагал, что «Дневник военных действий...» является частью более обширного произведения Крекшина под названием «Краткое описание блаженных дел <...> Петра Великого». В том, что автором «Дневника военных действий» был Крекшин, убежден и крупнейший специалист по военной истории петровского периода П. А. Кротов (он вводит свое написание фамилии историка – «Крёкшин»)⁹⁹. Зато другой историк Полтавской битвы, В. А. Молтусов, наоборот, убежден, что Крекшин автором «Дневника...» не является, но, тем не менее, «Дневник военных дей-

⁹⁶ Дневник пребывания царя в Воронеже // Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV. С. 247.

⁹⁷ Плюханова М. Б. «История юности» Петра у П. Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 513. С. 17–39; Колосова Е. В. К проблеме традиций древнерусской исторической повести в литературе XVIII века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем: Сб. ст. М., 1967. С. 288–316.

⁹⁸ Павловский И. Ф. Битва под Полтавой. Приложение. С. XIV; Баюв А. К., Юнаков Н. Л. Предисловие к «Дневнику» // Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV. С. 261.

⁹⁹ Кротов П. А. Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 315 и др.

ствий...» может служить ценным историческим источником. И далее Молтусов, где с кавычками, а где и от себя почти дословно (и с явной симпатией) воспроизводит слова Н. Л. Юнакова о том, что «Дневник военных действий...» важен «для восстановления подлинной картины Полтавского боя, <...> имеет громадное значение. Не доверять ему нет оснований», хотя требует исправления хронологических ошибок и утверждает, что «ряд положений “Дневника” <...> спорен. Поэтому, приступая к работе над ним, желательно иметь соответствующую подготовку»¹⁰⁰.

П. А. Кротов в книге «Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине» считает, что многое, изложенное П. Н. Крекшиным, имеет мифологическую основу, выдуманно, нафантазировано им в стилистике художественного произведения той эпохи и что в форме дневника автор пытался таким образом возвеличить личность Петра Великого. Умело сочетая достоверные сведения из материалов знакомой ему канцелярии А. Д. Меншикова, Крекшин, по мнению Кротова, придумал (или воспроизвел из распространенных в обществе слухов) ряд новелл, которые стали причиной устойчивых мифов, кочующих из одной работы в другую и усвоенных в литературе по истории Полтавского сражения¹⁰¹.

Действительно, из одной книги в другую переходит «история с переодеваниями полков», изложенная П. Н. Крекшиным. Согласно его «Дневнику», в ночь с 25 на 26 июня к шведам перебежал иностранец, семеновский унтер-офицер. Он сказал королю Карлу XII, что на русскую армию надо напасть непременно в ночь на 27 июня, так как на следующий день придет к Полтаве калмыцкая орда Аюки-хана в 40 тысяч всадников, «а когда придут калмыки, то (они. – Е. А.) до генеральной баталии не допустят и всю армию его королевскую могут по рукам разобрать, и как король услышал о войске калмыцком, весь переменялся и пришел в великую робость и ходил до полутора часа безгласен в размышлении, от того наипаче в ноге болезнь умножилась»¹⁰². После этого король якобы потребовал от К. Г. Реншёльда ускорить подготовку генерального сражения¹⁰³. Невозможно представить себе робость шведского короля при упоминании дикой калмыцкой орды – иррегулярной конницы. Естественно, ни о какой орде численностью 40 тыс. всадников речь не шла, обычно это было примерно три-пять тысяч. А уж совсем кажется невозможным, чтобы король, накануне описываемых событий серьезно раненный в ногу, не раз терявший сознание от боли, полтора часа «ходил безгласен» в страхе перед калмыками. Кроме того, пишет автор «Дневника военных действий», предатель сообщил, что в русских войсках имеется полк новобранцев, одетых в мундиры простого серого сукна и что именно по этому полку нужно нанести главный удар. Выслушав это, король якобы приказал Реншёльду быть в строю «с начала ночи против 27 числа» и пригласил офицеров отобедать после победы в шатрах Петра. Реншёльд возразил, что битва назначена на 29 июня, и это якобы утверждено его личным договором с Б. П. Шереметевым, а король в ответ «затряс головою и дал знать, чтобы о том не говорил». Тут нужно опять согласиться с П. А. Кротовым – фольклорная основа этого рассказа несомненна. Источники нам позволяют утверждать, что шведского короля можно обвинить в чем угодно, но только не в трусости перед кем бы то ни было: калмыками, русскими, турками и пр. К тому же, отважный король по своей извечной недоверчивости вряд ли бы поверил перебежчику, который мог быть и провокатором, направив усилия лучших шведских полков на заведомо сильные части русской армии, переодетые в серые мундиры (что будто и произошло). Согласно «Дневнику военных действий», Петр «по полуночи в 5 часов» прибыл в штаб Шереметева, узнал о дезертире и тут «по остроте ума своего изволил дознать, что оной изменник короля будет предлагать о разорвании через новона-

---

¹⁰⁰ Молтусов В. А. Полтавская битва: Уроки военной истории. М., 2009. С. 16–17.

¹⁰¹ Кротов П. А. Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине. С. 136–159.

¹⁰² Павловский И. Ф. Битва под Полтавой. Приложение. С. XVI–XVII.

¹⁰³ Там же. С. XV.

бранный полк», поэтому приказал переодеть полки, поставив в направлении предполагаемого прорыва более сильный батальон, а когда во время сражения шведы все-таки его прорвали, мужественно повел в атаку стоявший сзади второй батальон и отбросил противника. Тут-то и излагаются упомянутые выше возвышенные речи Петра, обращенные к разным дивизиям и более напоминающие политинформацию¹⁰⁴. Кротов, придя к негативному выводу относительно достоверности сочинения Крекшина, стремится найти в доступной Крекшину литературе и фольклоре упоминания тех событий и эпизодов, которые он утрировал, отразив в своем произведении нормы тогдашней пропаганды и житийной литературы, и в ряде случаев Кротов «ловит за руку» сочинителя¹⁰⁵.

Но всё же окончательной уверенности в сплошной фальсификации П. Н. Крекшиным использованных им сведений у П. А. Кротова не было, и в книге «Битва под Полтавой: Начало Великой России» он явно отходит от резко критического настроения первой книги («Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине») применительно к переданной Крекшиным «речиприказу» Петра. Постоянно подчеркивая литературность, элементы вымысла, содержащиеся в изложенных Крекшиным речах Петра перед Полтавской битвой, Кротов (хотя и с оговорками), не отбрасывает их как чистый вымысел, а даже пересказывает и тем самымвольно или невольно создает у читателя определенное позитивное мнение о существовании этих речей Петра в реальности. Это связано с расширением исследователем корпуса источников, а более всего – с уверенностью автора, что даже при известной литературности сочинений XVIII в. историки того времени отражали, пусть и в искаженном виде, историческую действительность, идет ли речь о версии Феофана или о версии Крекшина.

При этом П. А. Кротов вначале ставит резонный вопрос, была ли вообще речь, изложенная Прокоповичем, реальностью исторического прошлого, или это вымысел, и всё же полагает, что Петр, вообще склонный к произнесению поучительных (наставительных) речей при разных обстоятельствах (заметим от себя – преимущественно застольных), все-таки произнес перед Полтавским сражением речь, учитывая особую, исключительную важность момента накануне решавшей судьбу России битвы, когда слова воодушевления были особенно нужны войскам. Но более всего в реальности речи Петра на Полтавском поле исследователя убеждает использованный им несомненно достоверный документ, а именно книга «Синакар» архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Иоанна Максимовича, изданная в Чернигове в 1710 г. В ней сказано, что Петр «кавалерию и инфантерию свою и вся воя обходя, полки наставляя, исправляя и укрепляя, преждние им победы преславные воспоминая, мужество и храбрость похвалами венчая, Отечество, благочестие, церкви святые представляя, глаголя: “Держайте, не бойтесь; аз на раны готов за Отечество и Церковь святую; аз на раны готов за благочестие и веру православную; аз на раны за честь и славу Божию готов; аз душу свою положити за овца моя и тысящю готов умерети”»¹⁰⁶.

Оставив в стороне обсуждение подлинности «приказовречей» в интерпретации Феофана и П. Н. Крекшина, П. А. Кротов выказывает особое доверие своему новому источнику и делает вывод: «Итак, выступление, речи царя перед воинами накануне и в день великой битвы действительно имели место. Речи Петра I в передаче архиепископа Иоанна (Максимовича) очень правдоподобны по своему именно речевому, отрывистому построению. В них нет ничего лишнего. Это речи, которые могли выкрикиваться, возглашаться царем в минуты, когда войска построились и замерли на считанные минуты пред началом решающей схватки со страшным в своем свирепом натиске неприятелем»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Павловский И. Ф. Битва под Полтавой. С. XVII; Юнаков Н. Л. Северная война... С. 274–276.

¹⁰⁵ Кротов П. А. Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине. С. 320–337.

¹⁰⁶ Цит. по: Кротов П. А. Битва под Полтавой: Начало Великой России. СПб., 2014. С. 352–353.

¹⁰⁷ Там же. С. 353.

В сущности, там говорится только о готовности Петра к личному самопожертвованию; и это повторяется трижды, можно сказать, даже не столько «отрывисто», сколько истерично. Вместе с тем П. А. Кротов не касается того вероятного обстоятельства, что Феофан при сочинении своей «Истории» мог воспользоваться к тому времени опубликованным сочинением Максимовича и в характерной для Феофана манере развить положения речи-приказа.

Не менее убедительным для подтверждения существования «речи-приказа» кажется П. А. Кротову и «Журнал государя Петра I» барона Г. фон Гюйсена (Гизена). Там сказано: «<...> Его величество, едучи мимо солдат своих, изволил их ободрять, говоря тако: “Сделайте, братья, так, как я буду делать, и все с помощью Всевышняго будет добро. За победою после трудов возпоследует покой (сноска: Такой был тогда лозунг)”. Все солдаты оказали к Его Величеству, котораго они называли Отцом, особую склонность и любовь, исполненную почтения, и с сердечным веселием шли неробко противу всех опасностей в надежде непременно победы»¹⁰⁸.

Следует согласиться с П. А. Кротовым – ссылка на Г. Гизена кажется наиболее убедительным свидетельством произнесения Петром речи. Более того, отказывая в достоверности или правдоподобию всем предыдущим вариантам «приказа-речи» (как в редакциях Феофана–Голикова–Бутурлина, так и в редакции Крекшина), полагаю, что изложенное Гизеном обращение Петра к воинам представляется наиболее достоверным среди всех приписываемых Петру «речей» перед боем. И дело не в том, что «Журнал» Гизена был закончен при Петре человеком, имевшим доступ к царю и важнейшим его бумагам. Нельзя не обратить внимания на то, что, несмотря на несомненную достоверность «Журнала» Гизена, с которым работал сам Петр, все авторы XVIII – н ачала XIX в. почему-то прошли мимо варианта речи Петра по Гизену и даже не упомянули о ней. Между тем «Журнал...» – источник весьма тогда известный, опубликованный в 1788 г. Думаю, суть этого феномена заключена в стилистике изложения Гизеном слов Петра. Она резко диссонирует с выпрненным, возвышенным стилем Феофана, П. Н. Крекшина, И. И. Голикова, которые думали и говорили языком культуры классицизма, полагая, что иначе – просто и по-будничному – в такие ответственные моменты говорить царю не пристало. Поэтому они игнорировали Гизена. А как раз именно в варианте речи по Гизену я и вижу подлинность (точнее, правдоподобие) сказанного Петром перед битвой. В записи Гизена обращение Петра примечательно своей простотой, обыденностью, но одновременно реальностью и доходчивостью. Слова Петра, переданные Гизеном, более характерны для царя-реалиста, чем слова «высокого штиля» в изложении Феофана и его продолжателей, и уж тем более для Петра нехарактерна та болтливость, которую приписывает ему в своих сочинениях Крекшин (о болтливости сказано не случайно: согласно Крекшину, Петр непрерывно и пространно разглагольствует).

Слова Петра по Г. Гизену довольно точно отражают образ мышления и действий царя в самых разных ситуациях. Во-первых, ссылка на личный пример типична для Петра, ибо во всем и всегда он публично демонстрировал подданным, как нужно жить, работать и, уж конечно, как воевать. Педагогика с помощью личного примера – это стиль царя-реформатора. И второе – это глубокое понимание царем-воином солдат и вообще национального характера, привычек подданных. Перед таким судьбоносным сражением солдатам, истомившимся в ожидании кровавого пира, нужны были простые слова ободрения с простым, доступным им смыслом: «Ребята! Главное – не бойтесь, я с вами, делайте как я, а уж после дела погуляем!», что и произошло к вечеру памятного для России дня 27 июня 1709 г., после великой победы над шведами. Обращаясь к началу статьи, отмечу, что цитаты из речи Петра, взятые из недостоверных источников, «зацепились» в историографии и настойчиво воспроизводятся в учебниках и

---

¹⁰⁸ Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. С. 92–93.

исследованиях 250 лет. Это происходит по тем же причинам, по которым авторы XVIII–XIX вв. игнорировали Г. Гизена: было принято считать, что в ответственные моменты истории должны произноситься исключительные, возвышенные, запоминающиеся потомкам призывы.

Источники и литература

Баиов А. К., Юнаков Н. Л. Предисловие к «Дневнику» // Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV.

Баранов П. А. и др. История России: 7 класс. М., 2013.

Богданович М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846.

Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1821. Т. 3. Ч. 1.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. III.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. Ч. 4. СПб., 1838.

Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее полное описание славной Полтавской победы и предшествовавшие измены Мазепы. М., 1795. Т. XV.

Гизен Г. [Гюйссен Г.] Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8.

Данилов А. Л., Косулина Л. Г. История России: Конец XVI–XVIII века: 7 класс. М., 2015.

Дневник пребывания царя в Воронеже // Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV.

История Северной войны 1700–1721 гг. / Отв. ред. И. И. Ростунов. М., 1987.

Казначеев А. И. Выписка из моих воспоминаний // Русский архив. 1871. Т. 1. Стб. 183–186.

Карцов А. П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

Киселев А. Ф., Попов В. П. История России: XVII–XVIII века. М., 2013.

Колосова Е. В. К проблеме традиций древнерусской исторической повести в литературе XVIII века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем: Сб. ст. М., 1967. С. 288–316.

Кротов П. А. Битва под Полтавой: Начало Великой России. СПб., 2014.

Кротов П. А. Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине. СПб., 2009.

Молтусов В. А. Полтавская битва: Уроки военной истории. М., 2009.

Павловский И. Ф. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники. Харьков, 2009 (репринт издания: Полтава, 1908).

Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1; 1952. Вып. 2.

Плюханова М. Б. «История юности» Петра у П. Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 513. С. 17–39.

Феофан Прокопович. История императора Петра Великого. Изд. 1-е. СПб., 1773.

Феофан Прокопович. История императора Петра Великого. Изд. 2-е. М., 1788.

Юнаков Н. Л. Северная война: Кампания 1708–1709 гг. // Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. IV.

References

Baiov A. K., Yunakov N. L. Predisloviye k “Dnevniku” [Preface to “The Journal”]. In *Trudy imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*. Vol. IV. St Petersburg, 1909. In Russian.

- Baranov P. A. et al.* Istorija Rossii. 7th Form. Moscow: VentanaGraf, 2013. In Russian.
- Bogdanovich M. I.* Zamechatel'nyeshie pokhody Petra Velikogo i Suvorova [The most remarkable military campaigns of Peter the Great and Suvorov]. St Petersburg, 1846. In Russian.
- Buturlin D. P.* Voyennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII stoletii [The military history of the Russians' campaigns in the 18th century]. Vol. 3. Part 1. St Petersburg, 1821. In Russian.
- Danilov A. L., Kosulina L. G.* Istorija Rossii. Konets XVI – X VIII veka. 7 klass [The History of Russia. Late 16th – 18th century. 7th form]. Moscow: Prosveshchenie, 2015. In Russian.
- Dnevnik prebyvanija tsaria v Voronezhe* [The Journal of the Tzar's Stay in Voronezh]. In *Trudy imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*: Vol. IV. St Petersburg, 1909. In Russian.
- Feofan Prokopovich.* Istorija imperatora Petra Velikogo [History of the Emperor Peter the Great]. First edition. St Petersburg, 1773. In Russian.
- Feofan Prokopovich.* Istorija imperatora Petra Velikogo [History of the Emperor Peter the Great]. Second edition. Moscow: Tipografija kompanii tipograficheskoi, 1788. In Russian.
- Golikov I. I.* Deiania Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelja Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam [The deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from the reliable sources and organised by the years]. Part III. Moscow: Universitetskaia Tipographia, u N. Novikova, 1788. In Russian.
- Golikov I. I.* Deiania Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelja Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam [The Deeds of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from the Reliable Sources and Organised by the Years]. Vol. 4. Moscow: Tipografiya Nikolaya Stepanova, 1838. In Russian.
- Golikov I. I.* Dopolnenie k Deianiam Petra Velikogo, sodержashchee polnoe opisanie slavnoi Poltavskoi pobedy i predshestvovavshie izmeny Mazepy [Supplements to the deeds of Peter the Great comprising a complete description of the glorious Poltava victory and the previous treasons of Mazepa]. Vol. XV. Moscow: Universitetskaia Tipographia, 1795. In Russian.
- [*Hüysen H. F. von.*] Zhurnal gosudaria Petra I s 1709 po 1710, sochinennyi baronom Gizenom [The journal of His Majesty Peter I in 1709–1710, composed by baron von Hüysen]. In *Sobranie raznykh zapisok i sochineniy sluzhashchikh k dostavleniu polnogo svedenia o zhizni i deianiach gosudaria imperatora Petra Velikogo*. Part 8. St Petersburg, 1788. In Russian.
- Kaznacheev A.* Vypiska iz moikh vospominaniy [An extract from my memoirs]. In *Russkiy Arkhiv*. Vol. 1. 1871 (col. 183–186). Moscow. In Russian.
- Kartsov A. P.* Voенно-istoricheskii obzor Severnoi voiny [A military-historical review of the Great Northern War]. St Petersburg: Tipographia voенно-uchebnykh zavedenii, 1851. In Russian.
- Kiselev A. F., Popov V. P.* Istorija Rossii. XVII–XVIII veka [The History of Russia. 17th–18th centuries]. Moscow: Drofa, 2013. In Russian.
- Kolosova E. V.* K probleme traditsii drevnerusskoi istoricheskoi povesti v literature XVIII veka i ee sviazi s Novym vremenem [The Problem of the Old Russian historical narrative in the 18th century literature]. In *Old Russian literature and its connections with the Modern age*. Collected papers. Moscow: Nauka, 1967. P. 288–316. In Russian.
- Krotov P. A.* Bitva pri Poltave. K 300-letnei godovshchine [Battle of Poltava. For the 300 years anniversary]. St Petersburg: Istoricheskaja illustratsia, 2009. In Russian.
- Krotov P. A.* Bitva pod Poltavoю. Nachalo Velikoi Rossii [Battle near Poltava. The Beginning of new Russia]. St Petersburg: Spas, 2014. In Russian.
- Moltusov V. A.* Poltavskaja bitva: uroki voенnoi istorii [Battle of Poltava. Lessons of military history]. Moscow: Kuchkovo pole, 2009. In Russian.
- Pavlovskii I. F.* Bitva pod Poltavoю 27-go iunia 1709 goda i ee pamiatniki [Battle of Poltava on 27 June 1709 and its monuments]. Reprint edition, 1908. Khar'kov, 2009. In Russian.

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and documents of Peter the Great]. Vol. 9. N 1. Moscow; Leningrad: Nauka, 1950. In Russian.

Pliukhanova M. “Istoria iunosti” Petra u P. N. Krekshina [Peter’s “youth story” by P. N. Krekshin]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. 1981. N 513. P. 17–39. In Russian.

Rostunov I. I. (ed.) Istoria Severnoi voiny. 1700–1721 gg. [The History of the Great Northern War. 1700–1721]. Moscow, Nauka, 1987. In Russian.

Iunakov N. L. Severnaia voina. Kampania 1708–1709 gg. [The Great Northern War. Campaign of 1708–1709]. In *Trudy imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*: Vol. IV. St Petersburg, 1909. In Russian.

Один год из истории кораблестроительной верфи в Новой Ладоге: Расходная книга государевой денежной казны 1711–1712 гг

Т. А. Базарова

Создание Балтийского флота началось в первые годы Северной войны (1700–1721), когда в Приладожье было основано несколько небольших верфей. Построенные на них парусные и парусно-гребные суда предназначались для действий против шведов на Ладожском озере и Балтийском море. Струги сооружали в Великом Новгороде и Пскове, а также на реке Луге. В 1702 г. на Ладожском озере появилась Сясьская (действовала до 1706 г.), а в следующем году – Олонецкая верфь¹⁰⁹. После завоевания выхода в Балтийское море военные суда стали строить и в устье Волхова.

С XV в. при впадении реки в Ладожское озеро на полуострове Медведец стоял Николо-Медведский монастырь. Он служил местом отдыха для путешественников и ориентиром для купцов, следовавших с товарами по Волхову и Ладоге. К середине XVII в. монастырь пришел в упадок и был приписан к Саввино-Сторожевскому монастырю. В 1704 г. по указу Петра I обитель упразднили, а ее немногочисленную братию перевели в Иоанновский монастырь в Старой Ладоге¹¹⁰. Возле Николо-Медведского монастыря началось строительство небольшой крепости, рядом с которой образовался посад.

Небольшое поселение стали называть Новой Ладогой. Согласно «Гистории Свейской войны», в сентябре 1704 г. Петр I по пути на Олонецкую верфь ненадолго задержался в крепости: «<...> был в Новой Ладоге, которой город вновь поселить велено жителями Старой Ладоги, на самом Ладожском озере, где впадает во оное озеро река Волхов, которое место его величество присмотрел сам за полезное быть х комерции»¹¹¹. В декабре 1704 г. на зимовку в Новой Ладоге под командой поручика Питера Пламона были оставлены два буера и два шмака лодейнопольской постройки¹¹².

В 1708 г. ладожский комендант Г. Ф. Муравьев получил указ возводить новую крепость по чертежу артиллериста Карла Талсона – квадратную в плане и с бастионами по углам¹¹³. 10 июля 1708 г. возглавлявший Петербургское адмиралтейство А. В. Кикин доложил Петру I: «В Новой Ладоге крепость по указу делать начали»¹¹⁴. Основные строительные работы, очевидно, закончили за один сезон, поскольку в следующем году в адмиралтейских документах уже упоминалась «новопостроенная» крепость в Новой Ладоге¹¹⁵.

Небольшой форт стал важным перевалочным пунктом между Санкт-Петербургом и Новгородом. В него из Центральной России по Волхову и сухим путем привозили продовольствие, оружие, боеприпасы, а также строительные материалы. Затем их грузили на суда и по Ладожскому озеру доставляли в Санкт-Петербург, Шлиссельбург или на Олонецкую верфь. Данные функции фортеция сохранила и после окончания Северной войны. В 1729 г. генерал-лейте-

¹⁰⁹ Шаскольский И. П. 1) Лодейнопольская верфь: (К 250-летию со времени основания) // Морской и речной флот. 1953. № 2. С. 29–30; 2) Возвращение Россией берегов Невы – в выхода к Балтийскому морю // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 51. В XVIII в. бытовали и другие названия Олонецкой верфи – Свирская и Лодейнопольская.

¹¹⁰ Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. СПб., 2004. С. 18–19.

¹¹¹ Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 249.

¹¹² МИРФ. СПб., 1865. Ч. I. С. 47.

¹¹³ Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. С. 19.

¹¹⁴ МИРФ. Ч. I. С. 161.

¹¹⁵ РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия). Оп. 1. Д. 37. Л. 35 об.

нант Б. К. Миних передал Правительствующему Сенату на рассмотрение и утверждение новый штат крепостей. В список укреплений, предназначенных для защиты Ингерманландии и Карелии, входила и Новоладожская крепость. Миних сформулировал ее задачу: «... ради прикрытия коммуникаций из России провиантом, материалами и аммунициею, и с прочим в С.-Петербурге и Кронштадт»¹¹⁶.

В Петровскую эпоху в Новой Ладоге велось строительство различных военных судов. Точная дата закладки верфи «на островках» близ устья Волхова не установлена. Самые ранние упоминания о кораблестроении в Новой Ладоге относятся к 1705 г. 20 июня олонецкий комендант Иван Яковлевич Яковлев доложил ингерманландскому губернатору А. Д. Меншикову, что построенные на верфи в Селецком Рядке суда доставлены в Новую Ладогу и присланный из Лодейного Поля мастер установил на них мачты¹¹⁷. К 1708 г., когда на Новоладожской верфи намеревались заложить два 50-пушечных линейных корабля, в устье Волхова уже существовало налаженное судостроительное производство. 19 июля 1708 г. царь указал использовать при строительстве заготовленный бомбардиром лейб-гвардии Преображенского полка Л. А. Верещагиным в окрестностях верфи дубовый лес. Тогда же из Санкт-Петербурга в устье Волхова выехали корабельный мастер Ричард Броун и корабельный ученик Гаврила Авдеевич Меншиков. С Олонецкой верфи «к тому строению» вызвали дворянина Гаврила Григорова, старого подьячего Харитона Десятого, молодого подьячего, 100 плотников, 20 кузнецов, кузнечного подмастерья и 200 рабочих людей¹¹⁸. 9 августа А. В. Кикин пообещал государю, что Р. Броун «на сей неделе» заложит первый корабль¹¹⁹. К строительству второго приступили в начале 1709 г.¹²⁰

Царь торопил мастеров, требуя завершить строительство судов на Олонецкой и Новоладожской верфях к концу 1709 г.: «<...> в нынешней осени привезть их к С.-Петербургу, хотя не сделав на них верхних палуб»¹²¹. Для того чтобы ускорить постройку, на верфях увеличили число мастеровых и рабочих людей¹²². В сентябре 1709 г. в Новой Ладоге трудилось 270 плотников и 40 кузнецов¹²³. Впрочем, Р. Броун сообщил, что остановка работ вызвана не нехваткой мастеровых на верфи («и всегда не было у него 160 человек плотников»), а отсутствием корабельного леса¹²⁴. А. В. Кикин, который летом 1709 г. проинспектировал приладожские верфи, тоже пожаловался государю на проблемы с заготовкой дубового леса, возникшие из-за недостатка рабочих людей и подвод¹²⁵. В распоряжение Л. А. Верещагина немедленно направили 500 работников. Однако обнаружилось, что он «не может будто сыскать таких годных деревьев в лесу»¹²⁶. По-видимому, к концу года основные работы удалось закончить, и сто плотников из Новой Ладоги отправили в Лодейное Поле для изготовления камелей¹²⁷. 28 февраля 1710

¹¹⁶ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III: Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 9–11.

¹¹⁷ МИРФ. Ч. I. С. 83–84. Верфь в Селицком (Селецком) Рядке на Волхове была заложена в 1704 г.

¹¹⁸ Там же. С. 161.

¹¹⁹ Там же. 26 октября 1708 г. Ф. М. Скляев сообщил царю, что в Новой Ладоге заложен и строится один корабль (Там же. С. 173).

¹²⁰ Еще два линейных корабля заложили на Олонецкой верфи.

¹²¹ МИРФ. Ч. I. С. 186.

¹²² В 1708 г. «по письму государеву» было намечено отправить в Ладогу 318 «плотников добрых» со своим инструментом из Ярославля, Костромы, Галича, Вологды, Кинешмы, Твери, Углича, Мологи, Романова, Шуи, Юрьевца-Польского. Однако на верфь выслали только 250 человек (МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. С. 243).

¹²³ МИРФ. Ч. I. С. 195. На Олонецкой верфи работали 200 плотников и 40 кузнецов. Мастер Р. Бенгт просил значительно увеличить число мастеровых: плотников до 470 человек, а кузнецов до 60 (Там же).

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 188.

¹²⁶ Там же. С. 193.

¹²⁷ Там же. С. 202. Камели – парные понтоны, которые использовались для уменьшения осадки корабля и проводки его по мелководью.

г. комиссар на Олонецкой верфи И. А. Тормасов написал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что у Броуна «работников 200 человек, а плотничной работы они ничего не работают, а только очищают у кораблей снег и щепы, и на оное дело, чаю, будет довольно и 100 человек»¹²⁸.

Вечером 23 июня 1710 г. первый линейный корабль Балтийского флота вошел в Санкт-Петербург. На его борт поднялся Петр I, прибывший в тот же день из-под Выборга¹²⁹. В честь взятой русскими войсками шведской крепости новолодожское судно назвали «Выборгом».

В июле в Финский залив вошел и второй корабль, нареченный «Ригой». В том же году на верфи в Новой Ладогe корабельный мастер Ф. С. Салтыков и Г. А. Меншиков заложили две 18-пушечные шнявы, которые войдут в состав Балтийского флота под именами «Диана» и «Наталья»¹³⁰. По-видимому, именно о них 1 августа 1711 г. корабельный мастер Ф. М. Склеяев докладывал государю: «А что в Ладогe делаютца 2 шнау, и ис тех одна в нынешнем августе или в сентябре отделаецца совсем к спуску»¹³¹.

Однако спуск на воду пришлось отложить. 3 сентября А. В. Кикин в письме из Санкт-Петербурга Ф. М. Апраксину упомянул, что «шнявы в Новой Ладогe, хотя они и готовы, только нынешнею осенью ни которыми делы за мелкостю воды привезть их сюды невозможно, понеже при Шлиссельбурге 6 футов, а при Ладогe 5 футов воды»¹³². 10 сентября Кикин сообщил об этом и А. Д. Меншикову¹³³.

На Олонецкой верфи работами руководил И. А. Тормасов, а в Новой Ладогe – А. И. Стромилов, который в 1708 г. принял дела и денежную казну «у прежнего дворянина Гаврила Григорова»¹³⁴. 6 июня 1709 г. А. В. Кикин отправил Тормасову инструкцию по организации работ на вверенной ему верфи с наказом «чинить как верному и честному человеку, усматривая к лучшему, дабы служба ваша была к пользе царского величества»¹³⁵. Позднее аналогичное распоряжение получили Стромилов и комиссар Приказа адмиралтейских дел А. Д. Кушелев¹³⁶. Они были обязаны обеспечивать явку рабочих и мастеровых людей «в работные дни на работу», получать у мастеров росписи необходимых припасов и «исправлять без умедления», принимать и передавать эти припасы с расписками. Мастеровых и работных людей надлежало использовать только для адмиралтейских дел и на заготовке корабельных лесов. Набирать денщиков из работных людей разрешалось комиссару, корабельному мастеру, лекарю и подьячим¹³⁷.

¹²⁸ МИРФ. Ч. I. С. 202.

¹²⁹ ПиБ. М., 1956. Т. 10. № 3837. С. 209; Примеч. к № 3837. С. 634; Походный журнал 1710 г. СПб., 1854. С. 15. 24 июня Петр I поделился с Ф. М. Апраксиным своими первыми впечатлениями о корабле: «...зело изрядно сделан» (ПиБ. Т. 10. № 3837. С. 209). Впрочем, вскоре стали видны и недоделки. Через месяц государь указал А. В. Кикину, что на адмиральском корабле «<...> много не обрел, что потребно, а именно большого катла, аконницы ни единой, столяра и плотника та-кож ни одного, ниже доски сухой для забранья шхоту; також ни стола, ни стула <...>» (Там же. № 3953. С. 309).

¹³⁰ *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 142–143. 16 апреля 1711 г. А. В. Кикин доложил Петру I, что в июне шнявы будут спущены на воду (МИРФ. Ч. I. С. 239).

¹³¹ ПиБ. 1712 г. Т. 12. Вып. 2. Примеч. к № 4780. С. 470. 6 июня 1711 г. корабельный мастер Ф. С. Салтыков по указу А. Д. Меншикова покинул Новую Ладогу. Хотя корпуса и мачты были готовы, предстояли еще значительные отделочные работы. А. В. Кикин просил светлейшего князя прислать мастера корабельного и резного дела Василия Шпака, сомневаясь, что корабельный ученик Г. А. Меншиков сможет их закончить (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4416. Л. 1). Тем не менее новолодожские шнявы достраивал Гаврила Авдеевич.

¹³² МИРФ. Ч. I. С. 253.

¹³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4616. Л. 1. Это письмо с неточной датой – 11 сентября – опубликовано: МИРФ. Ч. I. С. 254.

¹³⁴ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 74.

¹³⁵ МИРФ. Ч. I. С. 184–185.

¹³⁶ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 118 – 119 об.

¹³⁷ МИРФ. Ч. I. С. 184–185.

Инструкция также предписывала комиссару «жить <...> во всяком согласии» с корабельным мастером и «чинить вычеты мастеровым людям с общаго с ним совету»¹³⁸. Однако отсутствие четкого разделения полномочий приводило к недопониманию и конфликтам между мастерами корабельных дел и комиссарами. Например, мастера неохотно отпускали по просьбам А. И. Стромилова и И. А. Тормасова работных людей для хозяйственных нужд верфи. Летом 1709 г. Стромилов пожаловался в Адмиралтейство, что Р. Броун и Г. А. Меншиков не позволили ему выполнить полученное из Санкт-Петербурга распоряжение – «прибить у карабельного строения лист» с инструкциями. Он также посетовал: «И мы о сем говорили мастеру и Гавриле Овдеевичю, и оне за моею рукою листа ставить не дали, и по статьям ничего мы не делаем, и о том имеем опасение немалое»¹³⁹.

Комиссары отвечали за выплату денежного жалованья, выдачу провианта мастеровым, а также составляли списки сбежавших с верфью плотников и кузнецов, которые пересылали в Санкт-Петербург¹⁴⁰. Организация розыска в задачи комиссаров не входила. Адмиралтейская канцелярия отправляла распоряжения комендантам городов, откуда были присланы на работы мастеровые, найти и немедленно выслать беглецов обратно или прислать замену. Вне компетенции комиссаров также оставалось расследование совершённых мастеровыми и работными людьми уголовных преступлений. Так, в ночь на 6 июня 1709 г. вернувшийся в казарму после посещения кабака в расположенной на правом берегу Волхова деревне Березье костромской плотник Тимофей Яковлев в казарме «зарубил топором плотника ж Алексея Ларионова до смерти». «Смертоубивца» доставили в приказную избу, допросили и заключили под стражу. Расспросные речи и извет вместе с отпиской А. И. Стромилов отправил в Санкт-Петербург Ф. М. Апраксину¹⁴¹. 15 июня Адмиралтейская канцелярия распорядилась «учинить розыск» по данному делу ладожскому коменданту Г. Ф. Муравьеву¹⁴².

Работных и мастеровых людей присылали в Новую Ладогу по разрядке на трехмесячную смену. Специально оговаривалось, что плотникам надлежало иметь топоры или покупать их на собственные деньги. На Новоладожской верфи трудились плотники из Олонца, Вологды, Ростова, Углича, Костромы, Твери, Ярославля и других городов (с 500 крестьянских дворов снаряжался один плотник)¹⁴³. Вместе с прибывшими на трехмесячную смену корабли также строили записные мастеровые люди разных специальностей¹⁴⁴. В расходной книге 1711–1712 гг. также упоминаются и направленные адмиралтейским начальством из Санкт-Петербурга в Новую Ладогу плотники-переведенцы¹⁴⁵.

До появления «Регламента о управлении Адмиралтейства и верфи...» 1722 г. распорядок работ на адмиралтейских предприятиях определялся царским указом от 20 мая 1708 г.¹⁴⁶

¹³⁸ Там же. С. 184.

¹³⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 116 об.

¹⁴⁰ См., напр.: Там же. Л. 291 об. – 292.

¹⁴¹ Там же. Л. 135 об.

¹⁴² Там же. Л. 138, 140.

¹⁴³ МИРФ. Ч. III. С. 243.

¹⁴⁴ Служащие Адмиралтейства были занесены в специальную книгу, поэтому назывались «записными». Они освобождались от денежных сборов и повинностей и были обязаны трудиться на казенных объектах. «Незаписные» – это мастеровые люди, работавшие в течение определенного срока.

¹⁴⁵ Еще в 1705 г. Петр I указал выслать в Санкт-Петербург «на адмиралтейский двор безсрочно» 500 плотников из Вологды, Ростова и Шуи (МИРФ. Ч. III. С. 240). Указом от 18 августа 1710 г. для обеспечения мастеровыми строительными работ, которые вели Адмиралтейство и Городовая канцелярия, переселить в Санкт-Петербург надлежало 4720 мастеровых различных специальностей (Там же. С. 245–246). Согласно табелю А. П. Кушелева, в начале ноября 1711 г. губернии прислали «на вечное житье» к Петербургскому адмиралтейству 1465 человек (Архив СПбИИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4718. Л. 1–4. Созданная на основе табеля таблица опубликована: МИРФ. Ч. III. С. 250).

¹⁴⁶ *Столянский П. Н.* Жизнь и быт Петербургской фабрики за 210 лет ее существования: 1704–1914 гг. Л., 1925. С. 47–48. Аналогичный распорядок содержался и в указе Ф. М. Апраксина от 27 мая 1708 г., которым вместо капитан-поручика Фалька фискалом назначался корабельный мастер поручик Ф. М. Склеяев (МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 715).

Рабочее время зависело от светового дня и летом достигало 14 часов. С 25 марта по 15 сентября рабочий день продолжался с пяти утра «до вечернего пушечного с крепости выстрела» с двумя перерывами на завтрак и обед (с 11 до 13 и с 19 до 19:30). С 15 сентября по 25 марта мастеровым и работным людям полагался один короткий перерыв с 12 до 12:30¹⁴⁷. Инструкции, выданные руководителям работ на приладожских верфях в 1709 г., предписывали: «В которых месяцах день 17 часов, отпускать с работы обедать и отдыхать 3 часа; в равноденствие, в которых месяцах 12 часов во дни, отпускать обедать и отдыхать 2 часа, а в короткие дни, когда во дни живет 7 часов, отпускать обедать час»¹⁴⁸.

Короткий досуг мастеровых и работных людей в Новой Ладогe скрашивало посещение питейной избы. Инструкция А. И. Строилова включала указание: «...смотреть над питейною продажей, дабы целовальники питье продавали без астоновки, и хитрости у них целовальников в продаже не было». Длительное время ближайшим местом, где работники могли купить вина или пива, оставалась деревня Березье, куда мастеровые переправлялись на лодках. Вышеупомянутая ссора между плотниками, приведшая к трагическим последствиям, возникла на обратном пути из кабака в казарму.

В июне 1709 г. адмиралтейские власти распорядились: «...в Новой Ладогe и на острове, где строитца карабелное строение, поставить кабацкую избу и для мастеровых и работных людей продавать от Адмиралтейства вино»¹⁴⁹. Коменданту Г. Ф. Муравьеву надлежало выбрать из посадских людей целовальника и направить его из Старой в Новую Ладогу. 16 июня 1709 г. на верфь доставили первые 500 ведер вина¹⁵⁰. Однако наладить его продажу удалось не сразу. 21 июня А. И. Строилов доложил адмиралтейским властям, что корабельный мастер Р. Броун без получения особого указа отказывается направить на строительство избы работных и мастеровых людей, а Г. Ф. Муравьев так и не прислал целовальника¹⁵¹. Через несколько дней из Адмиралтейской канцелярии в Новую Ладогу пришло другое распоряжение – «для винной продажи купить избу готовую настоящею ценою без передачи и поставить в удобном месте»¹⁵².

За работу на корабельной верфи мастеровые люди получали денежное и хлебное жалованье. Денежное жалованье (размер которого зависел от специальности и квалификации работника) состояло из кормовых денег и годового оклада или только из кормовой дачи. 28 апреля 1710 г. Ф. М. Апраксин распорядился выбрать из самых квалифицированных мастеровых десятников и выдавать им ежемесячно «новоучиненный оклад, кормовые деньги и хлеб»¹⁵³. Согласно царскому указу, десятникам (плотникам и кузнецам) надлежало выплачивать 5 рублей годового жалования, а также по 5 копеек кормового жалования в день. У рядовых записных плотников и кузнецов денежное жалование составляло 4 рубля в год, а кормовое – 3 копейки в день. Записным работникам (рядовым и десятником) выдавалось по 5 четвертей круп и 3 четверика муки в год. Незаписным мастеровым полагалось по 3 копейки в день и по 2 четверика муки в месяц¹⁵⁴. Кроме денежных выплат мастеровым выдавали одежду («мундир»). Ее стоимость вычитали из жалованья, что выходило дешевле, чем покупать на рынке¹⁵⁵.

Некоторые документы, имеющие отношение к истории строительства судов в Новой Ладогe, вошли в научный оборот еще в XIX в. В многотомном издании «Материалы по истории

¹⁴⁷ Столянский П. Н. Жизнь и быт Петербургской фабрики... С. 47.

¹⁴⁸ МИРФ. Ч. I. С. 184.

¹⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 144 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 144 об., 146.

¹⁵¹ Там же. Л. 144 об.

¹⁵² Там же. Л. 147.

¹⁵³ МИРФ. Ч. III. С. 245.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 168. Согласно указу от 18 января 1715 г., мастеровым людям Петербургского адмиралтейства надлежало носить немецкое платье (МИРФ. Ч. III. С. 264).

русского флота» были опубликованы указы Петра I, распоряжения руководителей Петербургского адмиралтейства А. В. Кикина и Ф. М. Апраксина, а также письма, донесения и отчеты корабельных мастеров¹⁵⁶. Во второй половине XX в. переписка царя с трудившимися в Новой Ладоге корабельными мастерами увидела свет на страницах «Писем и бумаг императора Петра Великого». Оригиналы этих документов хранятся в фондах и коллекциях РГАВМФ, РГАДА и Архиве СПбИИ РАН. Тем не менее ряд архивных материалов еще остается неизвестным широкому кругу исследователей. Так, до сих пор в качестве источника по истории строительства военных судов на Ладожском озере не привлекалась «Книга росходная великого государя денежной казне по руке подьячего Федора Аганина» 1711–1712 гг., которая отложилась в коллекции «Рукописей, собранных Императорской Археографической комиссией»¹⁵⁷.

«Книга росходная великого государя денежной казне...» в первую очередь дает представление о порядке выплат и размере жалованья руководителей работ, мастеров и мастеровых людей разных специальностей на Новолadoжской верфи с 22 ноября 1711 по 24 декабря 1712 г.

Выдача кормового жалованья происходила в начале месяца, следующего за отработанным. Выплаты мастеровым людям, как правило, производились первого числа. Десятники плотников и кузнецов получали кормовое жалованье по 5 копеек, рядовые мастеровые – по 3 копейки, резчики – по 6 копеек в день; столяры и плотники, «которым хлебного жалованья нет», – по 5 копеек¹⁵⁸. Кормовые деньги выплачивали мастеровым с учетом фактически отработанного времени. Согласно царскому указу от 30 марта 1712 г., «за пролежалые и за прогульные дни <...> повелено вычитать» у мастеровых людей, «которые в годовых окладах, кормовую дачу сполна, а которые не в годовом окладе, вполы»¹⁵⁹. На следующий или спустя еще один-два дня жалованье выдавали корабельному мастеру, иностранным мастерам, комиссарам и подьячим. Руководитель работ на Новолadoжской верфи А. И. Стромилов ежемесячно получал 5 рублей, а подьячий Федор Аганин – 2 рубля (т. е. по 60 и 24 рубля в год)¹⁶⁰. Оклады иноземцев были больше, чем у подьячих и русских мастеровых. Резному мастеру Классу (Никласу) Кнаку и столярному мастеру Христофору Шифелю выплачивали соответственно 15 и 10 рублей ежемесячно¹⁶¹. Отвечавшему за строительство шняв Г. А. Меншикову в феврале 1712 г. единовременно выплатили «по окладу ево, подпорутчиково, сто тритцать два рубли, за карабелное ученичество сто восмидесят рублей» за прошедший 1711 г.¹⁶² Полагавшийся записным мастеровым людям годовой денежный оклад («полугодное жалованье») выдавали равными частями каждые три месяца вне зависимости от отработанных дней (как после отработанного времени, так и авансом).

¹⁵⁶ МИРФ. СПб., 1865–1867. Ч. I–IV.

¹⁵⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 11 (Коллекция рукописей, собранных Археографической комиссией). Оп. 1. Д. 86. Л. 1–40.

¹⁵⁸ Там же. Л. 2 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 30 об. По распоряжению Ф. М. Апраксина от 27 мая 1708 г. у мастеровых вычиталось «за прогульный час по окладу из жалованья за день, а кто прогуляет день, и у того будет вычтено за 7 дней» (МИРФ. Ч. IV. С. 715). Установленная генерал-адмиралом система вошла в инструкции, отправленные А. В. Кикиным на Олонецкую и Новолadoжскую верфи в 1709 г.: «...у мастеровых людей вычитать из денежного жалованья противу сего: кто прогуляет целый день и у того вычтеть за семь дней, а кто прогуляет час или болши, и у таких вычитать за один день. А работным людям за прогульные дни и часы чинить наказанья» (Там же. Ч. I. С. 184).

¹⁶⁰ В начале 1709 г. «Кирилова монастыря служка» Федор Аганин состоял «у пересмотру плотников и кузнецов и у записки карабелных припасов» в Лодейном Поле, а в сентябре того же года уже был подьячим в Новой Ладоге (РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 255, 263, 356). На Новолadoжской верфи он получал такое же кормовое жалование, как и на Олонецкой, – полтора рубля, но с мая 1712 г. оно увеличилось до двух рублей (Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 18, 37).

¹⁶¹ Эти мастера были направлены в Новую Ладогу 16 августа 1709 г. (РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 276) и оставались там до сентября 1712 г. (Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 9 об.). Согласно ведомости А. И. Стромилова, в 1709 г. резному мастеру Классу Кнаку выплачивали 12 рублей ежемесячно (РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 355 об.). В 1710 г. у него оставался прежний годовой оклад – 144 рубля, а Хр. Шифелю выплачивали 120 рублей (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4867. Л. 2. Фрагмент ведомости опубликован: МИРФ. Ч. III. С. 244–245). В апреле 1712 г. Хр. Шифель также получил за «тринадцатый» месяц 10 рублей на свечи и дрова (Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 34).

¹⁶² Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 25 об.

Помимо мастеров и мастеровых людей, трудившихся на верфи, на заготовке леса или «у подъему судов», деньги выплачивались и морским служителям, которые прибывали в Новую Ладогу с какими-либо поручениями и оставались там на длительный срок. Так, в марте–июле 1712 г. жалованье получали матросы (в марте 12, а с апреля 10 человек), доставившие корабельные припасы из Казани¹⁶³. Осенью 1712 г. деньги выплачивались «надзирателю Ивану Исакову, которой прислан из Санкт-Петербурга в Новую Ладогу для отправления провианту к Адмиралтейству»¹⁶⁴.

Расходная книга зафиксировала и иные выплаты, связанные с организацией кораблестроения. Например, выдачу денег целовальникам «на мелочные покупки к строению шнав». В начале марта 1712 г. целовальник Максим Новгородец был отправлен за «мелочными припасами» на знаменитую Тихвинскую ярмарку¹⁶⁵. Посадским людям из Старой Ладоги заплатили за поставленное в казенные амбары говяжье сало, а также за доставку пяти бревен «для спуска шняв на полозья»¹⁶⁶. Записывались в книгу и выплаты «наемщикам», возившим уголь из леса «к строению шнав на островки». В числе «наемщиков» были подьячий Филипп Прусынский и кузнец Софон Дмитриев¹⁶⁷. Несколько раз оплачивался наем транспортных средств. Так, в ноябре 1711 г. драгун Мирон Стромилов выехал из Новой Ладоги «от карабельных приказных дел к Адмиралтейству с писмами»¹⁶⁸, а в декабре в Санкт-Петербург с приходными и расходными книгами был отправлен Федор Аганин. Оба раза подвода обошлись казне в 1 рубль 20 копеек¹⁶⁹. В 1712 г. нанимались подводы «под адмиралтейские припасы»¹⁷⁰ и «под припасы математической науки двенадцати человеком»¹⁷¹ от Новой Ладоги до Санкт-Петербурга, а также судно для доставки иностранных мастеров на Олонецкую верфь¹⁷².

В расходной книге ежемесячную запись подьячего о кормовом жалованье сопровождала расписка десятника в получении мастеровыми указанной суммы¹⁷³. После записей о выплате жалования А. И. Стромилову, Ф. Аганину и корабельным мастерам указывалось, что «выписка о том с росписками в расходном столпу». Фразы «росписка о том на указе в расходном столпу» или «указ о том с роспискою в расходном столпу» встречаются после записей о найме подвод, доставке угля, продовольствия и т. п. В случае, если мастеровые по служебной необходимости на время покидали Новую Ладогу, жалованье им выплачивалось по «ведомосному писму» (например Г. А. Меншикова или Ф. П. Пальчикова). Письмо вместе с распиской также отправлялось в расходный столп. В приказах и конторах расходный столп объединял документы о расходах за год: каждая новая бумага подклеивалась к концу предыдущей. Таким образом осуществлялся дополнительный контроль над использованием казенных средств.

В конце 1711 – начале 1712 г. плотники, кузнецы, столяры, конопатчики, матросы под руководством Г. А. Меншикова заканчивали отделку двух шняв. В январе из Санкт-Петербурга на верфь прислали пятерых резчиков – Ивана Федорова с товарищами¹⁷⁴. Судя по записям

¹⁶³ Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 27 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 12 об., 14 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 28 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 29 об. – 30.

¹⁶⁷ Там же. Л. 12, 14, 20 – 20 об., 23, 29.

¹⁶⁸ Там же. Л. 20 – 20 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 16.

¹⁷⁰ Там же. Л. 2.

¹⁷¹ Там же. Л. 4 об.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ В ноябре 1711 – августе 1712 г. расписывался десятник Петр Спиридонов. После его отъезда в расходной книге расписок больше не было.

¹⁷⁴ 7 февраля 1712 г. Г. А. Меншиков доносил государю, что на одной шняве закончили гакаборг (верхнюю часть кормы), на который установили резные украшения, а для другой шнявы «болван на лва в резную отдан же» (ПиБ. М., 1975. Т. 12. Вып. 1. Примеч. к № 5017. С. 274).

расходной книги, в начале 1712 г. на верфи одновременно трудилось почти 100 человек, в том числе около 60 плотников. Однако 3 марта Г. А. Меншиков пожаловался государю: «... ныне плотников у меня и з болными и с кашоварами в армии толко пятьдесят шесть человек, а работных людей никого нет <...>. А напредь сего было плотников у шнавы по сороку человек, а работных людей в присылке з городов по семидесят по семи человек»¹⁷⁵. 22 мая 1712 г. Гаврила Авдеевич снова посетовал: «...плотников ныне у меня и з болными толко 36 человек», а присланные из Ладожского уезда на верфь работные люди разбежались. А. И. Стромиллов же на поданные ему два ведения корабельного ученика отвечал: «...мне-де взять работных людей негде»¹⁷⁶. На строительстве шняв было задействовано значительно меньше мастеровых и работных людей, чем на сооружении кораблей в предыдущие годы.

Летом 1712 г., когда отделка шняв уже подходила к концу, число мастеровых в Новой Ладоге стало постепенно сокращаться. Судя по записям расходной книги, плотники и кузнецы в селе Черном несколько месяцев работали «у подъему судов». Так, в апреле на Ладожском озере «у подъему карабля» вместе с Ф. П. Пальчиковым находилось девятнадцать плотников¹⁷⁷. В мае «у подъемных судов» в селе Черном вместе с плотниками уже трудилось шесть кузнецов. В следующем месяце выплачивалось жалованье плотникам, кузнецам и столяру, которые также пребывали в Черном «у подъема карабля»¹⁷⁸. Согласно данным расходной книги, в июне там находились ярославские, ржевские и олонечские плотники, которым выдавали по рублю человеку в месяц¹⁷⁹. Однако только незначительная часть мастеровых была направлена в село Черное из Новой Ладоги. По-видимому, необходимое для ремонта карабля число работников прислало Петербургское адмиралтейство.

Судоходство на Ладожском озере всегда было связано с большим риском. Колебания уровня воды, а также внезапные шторма, особенно частые весной и осенью, приводили к гибели парусных и гребных судов. Вероятно, новолодожским мастеровым и работным людям не раз приходилось спасать занесенные непогодой на мель суда. В 1711 г. на Олонечкой верфи был спущен на воду карабль, который строил мастер Вилим Снельгроф¹⁸⁰. В начале октября поручик И. А. Сенявин вывел этот карабль из устья р. Свирь в Ладожское озеро¹⁸¹. Однако из-за низкого уровня воды в озере он остановился в десяти верстах от Шлиссельбурга. Было принято решение поставить судно на зимовку в «удобном месте»¹⁸². Карабль обложили лыком и оставили для охраны сто солдат с командиром¹⁸³. Однако он так и не вошел в состав Балтийского флота. В «Истории отечественного судостроения» упоминается, что в августе 1712 г. во время проводки по Ладожскому озеру карабль попал в шторм, был занесен на мель близ Новой Ладоги, где его пришлось разломать¹⁸⁴. Не это ли судно после зимовки ремонтировали ново-

¹⁷⁵ Там же. Примеч. к № 5097. С. 363.

¹⁷⁶ Там же. Примеч. к № 5263. С. 516.

¹⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 32 об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 1.

¹⁷⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁸⁰ История отечественного судостроения IX–XIX вв.: В 5 т. / Под редакцией И. Д. Спасского. СПб., 1994. Т. I: Парусное деревянное судостроение. С. 125.

¹⁸¹ МИРФ. Ч. I. С. 258. В августе 1711 г. капитан А. Декур («которому повелено тот карабль весть») опасался, что даже если ему удастся вывести судно в Ладогу, то «за мелкостию воды не возможет пройти до зимы ни в какую пристань, а замерзнет на озере» (Там же. С. 256).

¹⁸² МИРФ. Ч. I. С. 261. В поисках подходящего места А. В. Кикин указал Г. А. Меншикову, чтобы тот «вымерил воду в волховском и сяском устьях» (Там же. С. 259). В них оказалось 6,5 футов глубины, поэтому «в оныя устья ни по которому образу карабля поставить невозможно» (Там же. С. 260).

¹⁸³ МИРФ. Ч. I. С. 268.

¹⁸⁴ История отечественного судостроения... С. 125. 28 декабря 1712 г. Ф. М. Склеяев доносил государю, что севший на мель в Ладожском озере карабль удалось с нее снять и привести к «ладожскому устью». Однако новый шторм нанес повреждения, которые уже нельзя было устранить: «...со дна во боку буйкштыки и сетерсы все выломало о каменя и песку в нем было довольно, столко было сызнава подымать на тех же ящиках, на которых с прежней мели снять, и только борты с палобою

ладожские мастерские весной–летом 1712 г.? В конце августа вместе с Ф. П. Пальчиковым из Черного в Новую Ладогу на корабле прибыли плотники, столяры и конопатчики, которые, по-видимому, продолжили ремонтные работы уже в устье Волхова¹⁸⁵.

Таблица 1

Мастеровые люди, трудившиеся на Новоладожской верфи и «у подъема судов» на Ладожском озере в 1712 г.¹⁸⁶

Месяц	Плотники		Кузнецы		Столяры		Конопатчики		Резчики	Матросы	Всего	
	на верфи	на озере	на верфи	на озере	на верфи	на озере	на верфи	на озере	на верфи	на верфи	на верфи	на озере
Январь	60 ⁷⁵	–	12	–	4	–	10	–	–	8	94	–
Февраль	59 ⁷⁶	–	12	–	4	–	10	–	5	8	98	–
Март	60	–	12	–	4	–	10	–	5	8	99	–
Апрель	57	19	7	–	4	–	10	–	5	8	90	19
Май	52	30	6	6	4	–	9	–	5	1 ⁷⁷	77	36
Июнь	34	153	6	6	4	1	6	12	5	8	63	172
Июль	27	85	11	–	4	1	9	9	5	8	64	95
Август	24	68	8	–	4	1	9	9	5	9	59	78
Сентябрь	37	5	–	7	1	–	9	–	–	–	47	12
Октябрь	5	–	7	–	1	–	8	–	–	–	21	–
Ноябрь	5	–	7	–	1	–	3	–	–	–	16	–
Декабрь	5	–	7	–	1	–	3	–	–	–	16	–

⁷⁵ На заготовке леса работали еще семь плотников.

⁷⁶ Умер десятник Михаил Елисеев.

⁷⁷ Семь матросов и конопатчик выехали вместе с Г.А. Меншиковым на р. Мсту.

В сентябре Г. А. Меншиков нескольких новоладожских плотников и кузнецов увез с собой на новопостроенной шняве в Санкт-Петербург. 20 сентября 1712 г. Ф. М. Склеяев доносил царю, что одна из шняв прибыла в новую российскую столицу, а другая остановилась у Кошкиной мели, куда «третьего дня послали два судна, чем чрез мель перевести»¹⁸⁷.

Вернувшиеся после кратковременной поездки в Санкт-Петербург иноземные мастера резного и столярного дела вскоре покинули Новую Ладогу. 3 сентября на наемном судне Класс Кнак с резчиками поехал в Сермаксу, а Христофор Шифель со столярами – на Олонецкую

подымались, а дно оставалось в воде» (ПиБ. Т. 12. Вып. 2. Примеч. к № 5692. С. 490–491).

¹⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 8 об. – 9.

¹⁸⁶ Таблица составлена по данным «Книги расходной великого государя денежной казны...» о выплате кормового жалованья (Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86), опубликованной ниже.

¹⁸⁷ ПиБ. Т. 12. Вып. 2. Примеч. к № 5542. С. 395.

верфь. В октябре оставшиеся в устье Волхова плотники занимались заготовкой нагелей для Петербургского адмиралтейства и приступили к починке прамов¹⁸⁸.

Таким образом, «Книга росходная великого государя денежной казне...» является источником, содержащим ценнейшую для исследователей информацию по истории развития отечественного судостроения в Петровскую эпоху.

* * *

Рукопись in folio сшита в три тетради; написана на голландской бумаге; л. 15–16 – ф илигрань «Герб Амстердама» без литер типа Дианова, Герб¹⁸⁹ № 295 (1701–1708) и близкий к нему со львами-щитодержателями на постаменте на л. 1–8 и 17–32; на л. 11–14 – «Голова шута», Дианова, Шут¹⁹⁰ № 695 (1709); на л. 35–40 – «гербовый щит со страсбургской лилией под короной» типа Дианова, Костюхина¹⁹¹ № 926 (1671). На верхнем поле архивная фолиация, на нижнем – первоначальная (с 39-го по 79-й лист).

После реставрации рукописи в 1976 г. тетради заключены в картонный переплет из темно-зеленой бумаги. Под верхней крышкой сохранился лист плотной серой бумаги, в левом верхнем углу которой находится наклейка с цифрами «86» черными чернилами (часть шифра Археографической комиссии). Посередине листа коричневыми чернилами и карандашом дважды написан заголовок «Царские указы»; ниже два раза карандашом и чернилами – «К. Вернетъ», рядом карандашные наброски двух зданий. Очевидно, после реставрации поменялся порядок тетрадей. По новой фолиации заглавие: «Книга росходная великого государя денежной казне по руке подьячего Федора Аганина ноября з 22-го числа 1711-го году» оказалось на листе 17. Заглавие и текст книги (за исключением оговоренных вставок и расписок) написан одним почерком коричневыми чернилами.

Публикация подготовлена в соответствии с правилами, принятыми в археографии для издания источников XVIII в.¹⁹² Буквы, вышедшие из употребления, заменены буквами современного нам алфавита; сокращения под титлом раскрыты; выносные буквы вставляются в строку без оговорок, твердый знак на конце слов не воспроизводится. Мягкий знак после выносных букв ставится, если его отсутствие изменяет смысл слова. Отточиями в угловых скобках обозначены пропуски слов, букв и цифр, сделанные писцом. Знаки препинания расставлены по правилам современной нам пунктуации. Текст книги публикуется в соответствии с хронологией записей, подтвержденной первоначальной фолиацией.

* * *

(л. 17) Книга росходная великого государя денежной¹⁹³ казне по руке подьячего Федора Аганина ноября з 22-го числа 1711-го году. // (л. 18)¹⁹⁴ В ноябре.

В 22 день по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья по заслужению на прешедшей октябрь месяц

¹⁸⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. Оп. 1. Д. 86. Л. 12, 14, 16. И. В. Богатырев писал, что «в 1712 г. работа Новолодожской верфи была направлена в основном на ремонт и строительство прамов – плоскодонных плавучих батарей» (*Богатырев И. В. Новолодожская верфь – петровскому флоту // Судостроение. 1978. № 5. С. 78*).

¹⁸⁹ Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв.: «Герб города Амстердама». М., 1998.

¹⁹⁰ Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв.: «Голова шута»: Каталог. М., 1997 (Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 94).

¹⁹¹ Филигранные XVII в.: По рукописным источникам ГИМ: Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988.

¹⁹² Учтены рекомендации, содержащиеся в «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

¹⁹³ Тем же почерком над зачеркнутым словом.

¹⁹⁴ Лист 17 об. чистый.

ему, дворянину Афонасью Ивановичю Стромилову, пять рублей, столярному мастеру Христофору Шифелю десять рублей, подъячему Федору Аганину рубль шеснатцать алтын четыре денги, итого шеснатцать рублей шеснатцать алтын четыре денги ис приему подъячего Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

В 23 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонасья Ивановича Стромилова пошехонскому целовалнику Федору Вахрамееву дватцать два рубли один алтын четыре денги, которые были у него взяты в додацию ево великого государя жалованья по заслужению на прешедшей октябрь месяц столяром, кузнецом да вновь записному плотнику и кузнецу на ноябрь месяц сего ж 1711-го году, также и на мелочные покупки к строению шнав¹⁹⁵ и на корм государевым пяти лошадям ис приему подъячего Федора Аганина; росписка о том на указе в расходном столпу. //

(л. 18 об.) В декабре.

В 1 день по указу великого государя и по помете дворянина Афонасья Ивановича Стромилова и по заручной ведомости морского флота капитана-поручика Юрья Фалка¹⁹⁶ великого государя жалованья по заслужению за вычетом мундира на прошедшей ноябрь месяц квартеймейтору и рядовым матросам, которые прибыли с ним, капитаном, в Ладогу для приему шнав, квартемейстеру Пимину Монику рубль дватцать пять алтын, рядовым Ивану Алексею с товарищи трем человеком по два рубли по три алтына по две денги, Корнею Селявину с товарищи трем человеком по рублю по десяти денег, Степану Попкову с товарищи шти человеком по дватцати по три алтына по две денги, Григорью Тиханову тринатцать алтын две денги, итого пятнатцать рублей дватцать шесть алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; ведомость о том с роспискою в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья плотником, кузнецом и иных чинов людям, которые работают в Новой Ладоге у строения шнав, на прешедшей ноябрь месяц плотничным // (л. 19) десятником Петру Спиридонову с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли шеснатцать алтын четыре денги; рядовым плотником разных городов Никите Иванову с товарищи пятидесят одному человеку по шти денег на день, итого сорок пять рублей тритцать алтын; Ивану Степанову пятнатцать алтын.

Плотником же, которым за пролежалые и за прогульные дни кормовых денег давать не повелено, а повелено давать за наличные дни, на прошедшей же ноябрь месяц по окладом их: записным Ивану Никифорову с товарищи трем человеком по шти денег на день на дватцать на девять дней по дватцати по девяти алтын, Агею Романову на дватцать на осемь дней дватцать осемь алтын, Григорью Иванову на дватцать на три дни дватцать три алтына, итого пяти человеком четыре рубли четыре алтына четыре денги. Плотнику ж да столяру, которым хлебного жалованья нет, на сей декабрь месяц сего ж 711-го году: плотнику Дмитрею Аврамову, столяру Леонтью Павлову по десяти денег на день, итого три рубли три алтына две денги.

Столяром, конопатчиком, кузнецом, которым повелено кормовые денги давать по заслужению месяца, на прешедшей же ноябрь месяц: столяром Василью Гурьеву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли с полтиной; конопатчиком Артемью Панову с товарищи десяти человеком за вычетом мундира по дватцати по пяти алтын // (л. 19 об.) человеку, итого семь рублей шеснатцать алтын четыре денги; кузнецом Софону Дмитриеву по два алтына на день, итого рубль дватцать шесть алтын четыре денги; Климу Потапьеву с товарищи трем человеком по осми денег на день, итого три рубли дватцать алтын; Афонасью Михайлову с товарищи семи человеком по шти денег на день, итого шесть рублей десять

¹⁹⁵ Речь идет о заложенных в 1710 г. двух 18-пушечных шнявах, которые получают имена «Диана» и «Наталья».

¹⁹⁶ Возможно, Юрген (Юриант) Фалк (ум. 1717), поручик (с 1704), капитан-поручик (с 1709) (Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1: От основания флота до кончины Петра Великаго. С. 386).

алтын. Да вновь записному Ивану Никифорову на полмесяца пятнадцать алтын. Итого кузнецом двенадцати человеком двенадцать рублей пять алтын. Всего вышеписанным чинов людем восмидесят семи человеком восмидесят два рубли восемь алтын ис приему Федора Аганина.

Великого государя денежного жалованья по заслужению на прошедшей ноябрь месяц вышеписанные плотники, столяры, конопатчики, кузнецы по вышеписанным окладом взяли, а вместо их и в свое место росписался плотничной десятник Петр Спиридонов¹⁹⁷.

В 4 день по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Стромилова великого государя жалованья по заслужению на прешедшей ноябрь месяц ему, дворянину Афонасю Ивановичю Стромилову, пять рублей, // (л. 20) столярному мастеру Христофору Шифелю десять рублей, подьячему Федору Аганину рубль шеснатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с росписками в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Стромилова карабельных припасов еловалником Филипу Прусынскому, Ивану Подкопаеву на мелочныя¹⁹⁸ покупки к строению шнав тритцать три алтына две денги ис приему Федора Аганина; росписка о том на указе в расходном столпу.

В 5 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Стромилова за провоз из лесу угля к строению шнав на островки наемщику Семену Колобу за сто за дватцать четвертей рубль тринацать алтын две денги ис приему Федора Аганина; росписка о том на указе в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Стромилова на наем одной подводы от Ладоги драгуну Мирону Стромилову, который был послан // (л. 20 об.) в ноябре месяце сего ж 711-го году от карабельных приказных дел к Адмиралтейству с писмами, рубль шесть алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 9 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Стромилова за провоз из лесу угля на островки к строению шнав наемщику Филипу Прусынскому за сто за дватцать четвертей рубль тринацать алтын две денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 12 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Стромилова за провоз из лесу недовозного угля на островки к строению шнав семидесят пяти четвертей наемщику Патракею Иванову, которое не довозил прежней наемщик, Семко Лоб, который был нанят в ноябре месяце сего ж 711-го году, дватцать девять алтын одна денга ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу. //

(л. 21) 712-го году.

В генваре.

В 1 день по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Стромилова великого государя жалованья плотникам, кузнецом и иных чинов людем, которые работают в Новой Ладоге у строения шнав, по заслужению на прошедшей декабрь месяц 711-го году плотничным десятником Михайлу Елисееву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли дватцать один алтын четыре денги. Рядовым плотником разных городов записным и незаписным пятидесят человеком по шти денег на день, итого сорок шесть рублей шеснатцать алтын четыре денги. Плотником же, которым за пролежалые и з прогульные дни кормовых денег давать не повелено, на прошедшей же декабрь месяц 711-го ж году на наличные дни, сколко кто дней был на работе, по окладом их по шти ж денег на день: Пимину Ильину с товарищи пяти человеком на тритцать дней по тритцати алтын человеку,

---

¹⁹⁷ *Расписка другим почерком.*

¹⁹⁸ *Пропущенный слог до тем же почерком над строкой.*

Давыду Павлову на дватцать на осмь дней дватцать осмь алтын, итого за наличные работные дни шти человеком пять рублей одиннатцать алтын две <денги>¹⁹⁹. Плотнику ж Дмитрею Аврамову да столяру Леонтью Павлову, которым хлебнаго жалованья нет, на сей генварь месяц 712-го году по десяти денег на день, итого три рубли три алтына две денги.

Столяром, // (л. 21 об.) конопатчиком, матрозам, кузнецом, которым повелено кормовые денги давать по заслужению месяца на прешедшей же декабрь месяц 711-го году: столяром Василью Гурьеву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли дватцать один алтын четыре денги; конопатчиком за вычетом мундира Артемью Панову с товарищи десяти человеком по дватцати по пяти алтын человеку, итого семь рублей шеснатцать алтын четыре денги; матрозам за вычетом ж мундира заморяном²⁰⁰ Ивану Алексееву, Терентью Сажину по два рубли по три алтына по две денги человеку, итого четыре рубли шесть алтын четыре денги; Ивану Синицыну, Афонасью Познякову по рублю по десяти денег на день человеку, итого два рубли три алтына две денги; Степану Косаткину с товарищи четверем человеком по дватцати по три алтына по две денги, итого два рубли дватцать шесть алтын четыре денги; итого матрозам евать рублей три алтына две денги; кузнецом Софону Дмитреву по два алтына на день, итого рубль дватцать осмь алтын четыре денги; Климу Потапьеву с товарищи трем человеком по осми денег на день, итого три рубли дватцать четыре алтына; разных городов Афонасью Михайлову с товарищи шти человеком по шти денег на день, итого пять рублей девятнатцать алтын две денги. Кузнецом же, // (л. 22) которым за пролежалые и за прогульные дни кормовых денег давать не повелено, по за-служению ж на прешедшей же декабрь месяц 711-го году: московскому Афонасью Михайлову, ростовскому Петру Буракову на тритцать дней по тритцати алтын человеку²⁰¹, итого рубль дватцать шесть алтын четыре денги. Итого кузнецом двенатцати человеком двенатцать рублей тритцать два алтына. Всего выше-писанных чинов жалованным людям девяносто три рубли дватцать шесть алтын четыре денги ис приему Федора Аганина.

Великого государя жалованья вышеписанных чинов жалованные люди плотничные десятники Михайло Елисеев с товарищи и рядовые плотники и столяры, конопатчики, и кузнецы, и матросы по заслужению на прошедшей декабрь месяц денежное жалованье по окладом своим взяли, а вместо их и себя росписался плотничной десятник Петр Спиридонов²⁰².

Того ж числа по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья по заслужению на прошедшей декабрь месяц 711-го году: ему, дворянину Афонасью Ивановичю Стромилову, пять рублей, столярному мастеру Христофору Шифелю десять рублей, подьячему Федору Аганину рубль шеснатцать алтын четыре денги, итого шеснатцать рублей шеснатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с росписками в расходном столпу. //

(л. 22 об.) В 2 день по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя годового жалованья по заслужению на прешедшие октябрь, ноябрь, декабрь месяцы 711-го году, итого на четверть года столяром Алексею Ильину с товарищи трем человеком о рублю по осми алтын по две <денги>²⁰³, итого три рубли дватцать пять алтын, плотнику Афонасью Иванову рубль. Всего четыре рубли дватцать пять алтын ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

¹⁹⁹ Слово пропущено, восстановлено по смыслу.

²⁰⁰ Заморянин – тот, кто живет за морем; т. е. иностранец. Матросы-заморяне – матросы, прошедшие обучение морскому делу за рубежом.

²⁰¹ Тем же почерком над строкой.

²⁰² Расписка другим почерком.

²⁰³ Слово пропущено, восстановлено по смыслу.

Того ж числа по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья на генварь, на февраль²⁰⁴ месяцы 712-го году в зачет присланным ис (С)анкт-Питербурха от Адмиралтейства рещиком Ивану Федорову с товарищи пяти человеком по шеснатцать алтын по четыре денги человеку. Итого пять рублей²⁰⁵ ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Строилова карабелных припасов целовалником Филипу Прусинском, Ивану Подкопаеву на поупку²⁰⁶ к строению шнав мелочных припасов два рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу. //

(л. 23) В 5 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Строилова за провоз из лесу уголья на островки к строению шнав наемщику Патракею Иванову за шездесят четвертей дватцать три алтына две денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 6 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонася Ивановича Строилова за провоз из лесу уголья на островки к строению шнав кузнецу Софону Дмитриеву по зговору ево за сто корзин, во всякой корзине по четыре четверти, три рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 19 день по указу великого государя и по помете на выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья плотником, которые работают в лесу у приготовления карабелных дубовых лесов, на сей генварьда на предбудущие февраль, март месяцы, итого на четверть года Ивану Агапотову, Созону Тимофееву по осми денег на день, итого семь рублей девять алтын две денги; Матвею Киприянову с товарищи пяти человеком по шти денег на день, итого тринацать рублей дватцать один // (л. 23 об.) алтын четыре денги. Всего дватцать рублей тритцать один алтын ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

В 24 день по указу великого государя и по закрепе²⁰⁷ дворянина Афонася Ивановича Строилова карабелных припасов целовалником Филипу Прусинскому, Ивану Подкопаеву на поупку мелочных припасов к строению шнав два рубли восемь алтын две денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В феврале.

В 1 день по указу великого государя и по выписке за закрепою дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья плотником, кузнецом и иных чинов людем, которые работают в Новой Ладогe у строения шнав, по заслужению на прешедшей генварь месяц сего 712-го году: плотничным десятником Михайлу Елисееву, Петру Спиридонову по десяти денег на день, итого три рубли три алтына две денги; рядовым // (л. 24) плотником разных городов Никифору Маркову с товарищи пятидесят двум человеком по шти денег на день, итого сорок восемь рублей двенатцать алтын.

Плотником же, которым за пролежалые и за прогульные дни кормовых денег давать не повелено, на прешедшей же генварь месяц сего ж 712-го году на наличные дни: плотничному десятнику Егору Якимову на дватцать на три дни по десяти денег на день, итого рубль пять алтын; записным двум Ерофею Родионову, Осипу Осипову на тритцать дней по шти денег на день, итого по тритцати алтын человеку; Григорью Иванову на дватцать на осмь дней дватцать восемь алтын. Всего за наличные работные дни четверем человеком по окладом их три рубли дватцать шесть алтын две денги. Да столяру Леонтию Павлову, плотнику Дмитрею Авраамову,

---

²⁰⁴ Черными чернилами по верх затертого.

²⁰⁵ Черными чернилами по верх затертого.

²⁰⁶ Тем же почерком над строкой.

²⁰⁷ Тем же почерком по верх затертого.

которым хлебного жалования нет, на сей февраль месяц сего ж 712-го году по десяти денег на день, итого два рубли тритцать алтын.

Столяром же, рещиком, конопатчиком, матрозам по заслужению на прешедшей же генварь месяц сего ж 712-го году: столяром Василью Гурьеву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли дватцать один алтын четыре денги; рещиком Ивану Федорову с товарищи пяти человеком по два алтына на день человеку²⁰⁸, итого девять рублей десять алтын; конопатчиком за вычетом мундира Артемью Панову с товарищи десяти человеком по дватцати по пяти алтын человеку, итого семь рублей с полтиною; матрозам за вычетом ж мундира заморяном Ивану Алексееву, Терентью // (л. 24 об.) Сажину по два рубли по три алтына по две денги человеку, итого четыре рубли шесть алтын четыре денги; Ивану Синицыну, Афонасью Познякову по рублю по десяти денег, итого два рубли три алтына две денги, Степану Косаткину с товарищи четверем человеком по дватцати по три алтына по две денги, итого два рубли дватцать шесть алтын четыре денги. Итого матрозам девять рублей три алтына две денги. Кузнецом Со-фону Дмитриеву по два алтына на день, итого рубль дватцать восемь алтын четыре денги; Климу Потапьеву с товарищи трем человеком по осми денег на день, итого три рубли дватцать четыре алтына; Афонасью Михайлову с товарищи осми человеком по шти денег на день, итого семь рублей четырнатцать алтын четыре денги. Итого кузнецом двенатцати человеком тринацать рублей четыре денги. Всего вышеписанным чинов жалованным людем девяносту осми человеком сто один рубль дватцать четыре алтына.

Великого государя денежного жалования вышеписанных чинов плотничные десятники и рядовые плотники, столяры и рещики, конопатчики, матросы и кузнецы по заслужению на прошедшей генварь месяц по окладом своим взяли, а вместо вышеписанных чинов людей и в свое место росписался плотничной десятник Петр Спиридонов²⁰⁹. //

(л. 25) В 2 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалования по заслужению на прешедшей генварь месяц сего 712-го году ему, дворянину Афонасью Ивановичю Стромилову, пять рублей, резному мастеру Класс Кнаку²¹⁰ пятнатцать рублей, столярному мастеру ж Никифору Шифелю десять рублей, подьячему Федору Аганину рубль шеснатцать алтын четыре денги. Всего тритцать один рубль шеснатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя полугодового жалования по заслужению плотничным десятником Петру Спиридонову с товарищи трем человеком да рядовому плотнику на прешедшие ноябрь, декабрь месяцы прошлого 711-го году да на прешедшей же генварь месяц сего ж 712-го году, итого на четверть года по окладом их десятником по рублю по осми алтын по две денги человеку, итого три рубли дватцать пять алтын, рядовому рубль. Всего четыре рубли дватцать пять алтын ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу. //

(л. 25 об.) В 5 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя полугодового жалования на сей февраль да на предбудущей март месяцы рещиком Ивану Федорову с товарищи пяти человеком по окладом их по шеснатцати алтын по четыре денги человеку на месяц, итого пять рублей ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

²⁰⁸ Тем же почерком над строкой.

²⁰⁹ Расписка другим почерком.

²¹⁰ «Резного образного дела мастер» Класс (Клас) Кнак был принят на русскую службу в Голландии в 1703 г. и вначале трудился в Воронежском адмиралтействе (Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. Приложение. Ч. II. СПб., 1864. С. 287).

В 5 день по указу великого государя и закрепе дворянина Афонася Ивановича Строилова корабельных припасов целовалником Максиму Новгородцу, Михайлу Сергееву на покупку к строению шнав мелочных припасов два рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 25 день по указу великого государя из Адмиралтейской канцелярии и по помете на нем²¹¹ дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья морского флота под порутчику Гаврилу Меншикову на прошлой 711-й год генваря по 1 число сего 712-го году по окладу ево подпорутчикова сто тридцать два рубли, за карабельное ученичество сто восьмидесят рублей. Всего триста двенадцать рублей ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу. //

(л. 26) В 26 день по указу великого государя и по помете на выписке дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья умершаго плотничного десятника Михаила Елисеева жене ево Михайловой Акилине Ивановой дочери на сей февраль месяц на заслуженные семнатцать дней по окладу ево по десяти денег на день, итого дватцать восемь алтын две денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

В марте.

В 1 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонася Ивановича Строилова великого государя жалованья рещиком, плотником, кузнецом и иных чинов жалованным людям, которые работают в Новой Ладоге у строения шнав, по заслужению на прешедшей февраль месяц сего 712-го году: рещиком Ивану Федорову с товарищи пяти человеком по два алтына на день, итого восемь рублей дватцать три алтына две денги; плотничным десятником Петру Спиридонову, Егору Якимову по десяти денег // (л. 26 об.) на день, итого два рубли тридцать алтын; рядовым плотником разных городов Никифору Маркову с товарищи сороку девяти человеком по шти денег на день, итого сорок два рубли дватцать один алтын.

Плотником ж, которым за пролежалые и за прогульные дни кормовых денег давать не повелено, на прошедшей же февраль месяц на наличные дни: галицкому Афонасью Иванову на дватцать на осмь дней дватцать восемь алтын, записным Ивану Максиму с товарищи трем человеком на дватцать на осмь дней по дватцати по осми алтын, Григорью Иванову на дватцать на семь дней дватцать семь алтын; всего за наличные работные дни пяти человеком четыре рубли пять алтын четыре денги. Столяру Леонтью Павлову, которому хлебного жалованья нет, на сей март месяц²¹² сего ж 712-го году по десяти денег на день, итого рубль осмнатцать алтын две денги. Плотнику Дмитрею Аврамову на сей март же месяц, которому хлебного же жалованья нет, наличные на дватцать на сем дней по десяти ж денег на день, итого рубль одиннатцать алтын четыре денги.

Столяром, конопатчиком, матрозам, кузнецом по заслужению на прешедшей же февраль месяц сего ж 712-го году: столяром Василью Гурьеву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли²¹³ одиннатцать алтын четыре денги; конопатчиком за вычетом мундира Артемью Панову с товарищи десяти человеком по дватцати по пяти алтын человеку // (л. 27) на месяц, итого семь рублей шеснатцать алтын четыре денги; матрозам за вычетом же мундира заморяном Ивану Алексееву, Терентью Сажину по два рубли по три алтына по две денги человеку, итого четыре рубли есть алтын две денги; рядовым Ивану Синицыну, Афонасью Познякову по рублю по десяти денег человеку на месяц, итого два рубли три алтына две денги; Степану Косаткину с товарищи четверем человеком по дватцати по три алтына по две денги человеку на месяц ж, итого два рубли дватцать шесть алтын четыре денги. Итого

---

²¹¹ В ркп. *описка* нам.

²¹² *Тем же почерком над строкой.*

²¹³ *Поверх затертого.*

матрозам осми человеком десять рублей три алтына две денги. Кузнецом Софону Дмитрееву по два алтына на день, итого рубль дватцать четыре алтына четыре денги; Климу Потапьеву с товарищи трем человеком по осми денег²¹⁴ на день, итого три рубли семнатцать алтын; Афонасью Михайлову с товарищи осми человеком по шти денег на день, итого шесть рублей тритцать два алтына. Итого кузнецом двенатцати человеком двенатцать рублей восемь алтын. Всего вышеписанным чинов жалованным людем девяносту шти человеком девяносто четыре рубли шеснатцать алтын две денги ис приему Федора Аганина.

Великого государя денежного²¹⁵ жалованья вышеписанных чинов жалованные люди плотничные десятники и рядовые плотники, рещики, столяры, конопатчики, матросы, кузнецы по заслужению на прошедшей // (л. 27 об.) февраль месяц по окладом своим взяли, а вместо их и себя росписался плотничной десятник Петр Спиридонов²¹⁶.

В 2 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья по заслужению на прешедший февраль месяц сего 712-го году ему, дворянину Афонасью Ивановичю Стромилову, пять рублей, резному мастеру Клас Кнаку пятнатцать рублей, столярному мастеру ж Христофору Щифелю десять рублей, подьячему Федору Аганину рубль шестнатцать алтын четыре денги. Всего²¹⁷ тритцать один рубль шеснатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с росписками в расходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя из Адмиралтейской канцелярии и по помете на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья матрозам, которые прибыли в Новую Ладогу ис Казани с лесными карабелными припасы, за вычетом мундира по заслужению на прешедшей генварь, февраль месяцы сего 712-го году Алексею Ильину с товарищи двенатцати человеком по дватцати алтын по пяти денег человеку на месяц, итого пятнатцать рублей ис приему // (л. 28) Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 6 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя годового жалованья на прешедшей генварь, февраль и на сей март месяцы сего 712-го году, итого на четверть года, столяром Василь Гурьеву с товарищи трем человеком по окладу их по рублю по осми алтын по две денги человеку да рядовому плотнику Афонасью Иванову рубль; итого четыре рубли дватцать пять алтын, да плотничным десятником Петру Спиридонову, Егору Якимову да рядовому²¹⁸ плотнику Никифору Маркову на прешедшей же февраль и на сей март²¹⁹ да на предбудущей апрель месяцы сего ж 712-го году, итого на четверть же года по окладом их: десятником по рублю по осми алтын по две денги, рядовому рубль, итого три рубли шестнатцать алтын четыре денги. Всего восемь рублей восемь алтын две денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в расходном столпу.

В 7 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонасья Ивановича Стромилова карабелных // (л. 28 об.) припасов целовалником Максиму Новгородцу, Михайлу Сергиеву на поупку мелочных припасов к строению шнав три рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в расходном столпу.

В 9 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова²²⁰ карабелных припасов целовалнику Максиму Новгородцу, которой посы-

---

²¹⁴ Поверх затертого.

²¹⁵ Тем же почерком над строкой.

²¹⁶ Расписка другим почерком.

²¹⁷ Поверх затертого.

²¹⁸ В ркп. описка рядому.

²¹⁹ Вписано над строкой.

²²⁰ В ркп. описка Стомилова.

лаетца на Тихвинскую ярмонку на покупку мелочных припасов к строению шнав десять рублей шеснатцать алтын четыре денги ис приему подъячего Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

В 10 день по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонасья Ивановича Стромилова карабелных припасов целовалником Максиму Новгородцу, Михайлу Серееву на покупку мелочных припасов к строению шнав три рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпе.

В 16 день по указу великого государя и по помете на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова // (л. 29) великого государя жалованья на сей март месяц на заслуженные на пятнатцать дней кузнецом, которые посылаютца из Новой Ладоги на Ладожское озеро к подъему карабля, Афонасью Михайлову с товарищи пяти человеком по окладом их по шти денег на день, итого два рубли восемь алтын две денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

В 23 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова за провоз из лесу угля на островки к строению шнав за другое сто корзин кузнецу Софону Дмитриеву четыре рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

В 27 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова карабелных припасов целовалником Максиму Новгородцу, Михайлу Серееву на покупку мелочных припасов к строению шнав два рубли ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу. //

(л. 29 об.) В 28 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья на сей март месяц на другую половину на шеснатцать дней кузнецом Афонасью Михайлову с товарищи пяти человеком, которые на Ладожском озере у подъему карабля, по окладом их по шти денег на день, итого по шестнатцати алтын человеку. Всего два рубли тринацать алтын две денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

В 29 день по указу великого государя и по помете на выписке дворянина Афонасья Ивановича Стромилова великого государя жалованья на предбудущей апрель месяц сего 712-го году плотничному десятнику Афонасью Толковому, которой послан на Вышней Волочек для осмотру казанских судов, по окладу ево по десяти денег на день, итого рубль шеснатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; выписка о том с роспискою в росходном столпу.

В 30 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова ладоженину посацкому человеку Агею Коткову за продажное ево говяжье сало, которое он продал в казенные анбары, // (л. 30) за десять пуд за тритцать фунтов, за пуд по тритцати алтын, итого девять рублей дватцать два алтына три денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

В 31 день по указу великого государя и по закрепе на нем дворянина Афонасья Ивановича Стромилова за провоз из Старой Ладоги для спуску шнав на полозье пяти дерев по двенатцати алтын за бревно, итого рубль дватцать шесть алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу.

Того ж числа по указу великого государя и по закрепе дворянина Афонасья Ивановича Стромилова ладоженину посацкому человеку Афонасью Губареву за продажное ево говяжье²²¹ сало, которое он продал в казенные анбары к строению шнав, за пять пуд по дватцати по девяти алтын, итого четыре рубли²²² одиннатцать алтын четыре денги ис приему Федора Аганина; указ о том с роспискою в росходном столпу. //

---

²²¹ Тем же почерком над строкой.

²²² Тем же почерком над строкой.

(л. 30 об.) В апреле.

В 1 день по указу великого государя и по выписке за пометою дворянина Афонася Ивановича Стромилова великого государя жалованья рещиком, плотником, кузнецом и иных чинов жалованным людем, которые работают в Новой Ладоге у строения шнав, по заслужению на прешедшей март месяц сего 712-го году: рещиком Ивану Федорову с товарищи пяти человеком по два алтына на день, итого девять рублей десять алтын; рядовым плотником разных городов записным и незаписным по шти денег на день: Никифору Маркову с товарищи сороку четверем человеком, итого сорок рублей тридцать алтын четыре денги.

Плотником же, которым за пролежалые и за прогульные дни по указу великого государя марта 30-го дня сего 712-го году повелено вычитать, которые в годовых окладах кормовую дачю сполна, а которые не в годовом окладе вполы, на перешедшей же март месяц на наличные дни. Плотничным десятником по десяти денег на день: Петру Спиридонову на дватцать на семь дней, итого рубль одиннадцать алтын четыре денги, Егору Якимову на четырнадцать дней, итого дватцать три алтына две денги; по шти денег на день галицкому Афонасью Иванову на дватцать на три дни, итого дватцать три // (л. 31) алтына. Итого годовым за наличные работные дни два рубли дватцать алтын²²³ четыре денги.

Рядовым, которые не в годовых окладах, по шти денег на день: Антону Васильеву с товарищи шти человеком по тридцати дней с полуднем²²⁴ по тридцати алтын по три денги человеку, итого пять рублей шестнадцать алтын две денги; Григорью Иванову с товарищи трем человеком на тридцать²²⁵ дней по тридцати алтын человеку, итого два рубли дватцать три алтына две денги. Всего записным и незаписным за наличные работные дни десять рублей тридцать один алтын.

Плотнику Дмитрею Аврамову, столяру Леонтью Павлову, которым хлебнаго жалованья нет, на сей апрель месяц сего ж 712-го году по десяти денег на день, итого три рубли.

Столяром же, конопатчиком, матрозам, кузнецом, которым повелено давать кормовые денги по заслужению месяца, на прешедшей же март месяц сего ж 712-го году: столяром Василью Гурьеву с товарищи трем человеком по десяти денег на день, итого четыре рубли дватцать один алтын четыре денги; конопатчиком за вычетом мундира Артемью Панову с товарищи десяти человеком по дватцати по пяти алтын человеку, итого семь рублей шестнадцать алтын четыре денги; матрозам за вычетом же мундира Ивану Алексееву, Терентью // (л. 31 об.) Сажину по два рубли по три алтына по две денги, итого четыре рубли шесть алтын четыре денги, Ивану Синицыну, Афонасью Познякову по рублю по десяти денег, итого два рубли три алтына две денги, Степану Косаткину с товарищи четверем человеком по дватцати по три алтына по две денги человеку, итого два рубли дватцать шесть алтын четыре денги. Итого матрозам осми человеком девять рублей три алтына две денги. Кузнецом Софону Дмитриеву по два алтына на день, итого рубль дватцать восемь алтына четыре денги; Климу Потапьеву с товарищи трем человеком по осми денег на день, итого три рубли дватцать четыре алтына; Афонасью Михайлову с товарищи трем же человеком по шти денег на день, итого два рубли дватцать шесть алтын две денги. Итого кузнецом семи человеком восемь рублей двенатцать алтын две денги.

---

²²³ Тем же почерком над строкой.

²²⁴ Черными чернилами над строкой.

²²⁵ Черными чернилами поверх затертого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.